

Лао Ма

История города Хулучжэня

Шанс

Ма Лао

История города Хулучжэня

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66395666
История города Хулучжэня: Шанс; Москва; 2021
ISBN 978-5-907447-22-6

Аннотация

Книга содержит сатирические повести Лао Ма, признанного в Китае мастера современной малой прозы. Действие многих повестей разворачивается на фоне жестоких испытаний, которые выпали на долю китайского народа в эпоху «Большого скачка» и «культурной революции». Сатира помогает автору раскрыть драматизм судеб персонажей, счастливых и несчастных, смешных и напуганных жителей маленьких провинциальных городков коммунистического Китая.

Второе издание, исправленное.

Содержание

История города Хулучжэня	7
Часть первая	7
1	7
2	8
3	10
4	13
5	14
6	16
7	18
8	20
9	22
10	22
11	24
12	26
13	27
14	29
15	30
16	32
17	34
18	36
19	37
20	39
21	41

22	43
23	45
24	47
25	50
26	51
27	53
28	55
29	57
30	59
31	61
32	63
33	66
34	68
35	70
36	72
37	75
38	77
39	79
40	80
Часть вторая	84
1	84
2	88
3	94
4	99
5	102
6	107

7	110
8	114
9	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Ма Лао

История города Хулучжэня

© ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2021

© ООО «Издательство Китайского народного университета», 2021

© ООО «Восток Бук», 2021 Все права защищены.

История города Хулужэня

Часть первая

1

В городке Хулужэне¹ жила семья И, в которой было пять мальчиков, все одинаковые, как тыковки-горлянки. Пятерых сыновей семьи И звали по старшинству – старшим, вторым, третьим, четвертым, пятым, но официальные их имена – И Ши, И Бай, И Цянь, И Вань, И И. Ну а старик И, эта старая тыква-горлянка, был главой семьи И.

В свое время ему довелось несколько дней поработать счетоводом. Эта работа и прославила его, и опозорила. Счетоводам всегда все завидуют, ведь за скучными цифрами скрываются увесистые кошельки. В те времена, когда старик И работал счетоводом, он так мазал волосы рапсовым мас-

¹ Буквально название городка переводится как «городок тыкв-горлянок». Тыква-горлянка – это вьющееся однолетнее травянистое растение, которое летом цветет белыми цветами. Ее плоды имеют форму двух шариков, один из которых – побольше, другой – поменьше. Шарики соединены тонкой перегородкой посередине. Внешне тыквы-горлянки напоминают половые органы мужчины. Широкое распространение получило использование этого слова в качестве синонима слова «мальчик». Омофон «тыквы-горлянки» – слово «бестолковый» (*прим. ред.*).

лом, что оно у него по шее стекало. Держа под мышкой счета, он прохаживался по городским улицам: «Счета стук-постук, полон золота сундук». Кто знает, откуда он почерпнул эту фразу, которую часто любил повторять. Профессиональная слава старика И была недолговечна. Говорят, его выгнали с работы из-за того, что что-то не сошлось в расчетах.

«Трижды восемь – это двадцать три, и еще немножко!» Старший брат И сновал по улицам, бормоча эту абсурдную присказку. Со временем все поняли, в чем тут дело: «А дурачок-то дело говорит, – говорили люди, – счетовод И даже таблицу умножения на зубок не знает, как же он может счетоводом работать?»

На память от короткой карьеры счетовода у старика И остались счета, пара нарукавников да еще имена пяти сыновей – Ши (10), Бай (100), Цянь (1000), Вань (10 000), И (100 000 000). Кроме того, потеряв пост счетовода, он утратил и свою власть главы семьи. После этого всем стала заправлять его жена, теперь главное слово было за ней.

2

В Хулучжэне тыква-горлянка не растет, зато у каждой семьи здесь на огороде растет столовая тыква. В урожайный год тыква может уродиться размером с нижний мельничный жернов. Столовую тыкву еще называют крупноплодной. Как только она созревает, ее парят и употребляют в

пищу, у нее сладкий вкус, можно ее подавать и как отдельное блюдо, и как гарнир. Поколение за поколением в Хулучжэне жизнь продолжается почти исключительно благодаря столовой тыкве как основному продукту питания. Конечно, и «тыква-горлянка» в качестве символа мужской силы в продолжении жизни играет не последнюю роль.

Строго говоря, Хулучжэнь – это всего лишь большая деревня, а не город, точно так же, как «страна гибискуса» – это не страна. В общем, название городка Хулучжэня не соответствует действительности: правильнее было бы назвать его в честь столовой тыквы – деревней Вогуацунь².

Однажды кто-то предложил переименовать городок. Местный староста великодушно согласился и сказал: «Хорошо, пусть он зовется провинцией Хулушэн³!» Но в итоге это название не одобрили. Жители поселка городского типа Хулучжэнь сами себя называют горожанами, отчего селяне из окрестных деревень чувствуют себя рангом ниже.

В качестве имен для деревенских ребятишек зачастую используются такие забавные сочетания слов, как «Вареное Яйцо», «Собачье Отродье», «Бараний Рог», «Свиной Зад». Но в книге регистрации гражданских лиц городка все имена, кроме скромноватых имен сыновей старика И, очень громкие, например, Ван Дачэнь (Ван Министр), Чжан Цзайсян (Чжан Канцлер), Сюй Цзунли (Сюй Премьер-министр),

² Деревня столовой тыквы (прим. ред.).

³ Провинция тыквы-горлянки (прим. ред.).

Сунь Чжишу (Сунь Секретарь партийной ячейки), Ху Чэнсян (Ху Статс-секретарь) и т. д. Человека, не знакомого с подоплекой дела, можно этим и напугать – он подумает, что попал ненароком в императорский дворец.

Желание выдать деревню Хулучжэнь за город, скорее всего, отражало чаяния и идеалы старшего поколения. У городка Хулучжэня нет истории, точнее говоря, нет письменно задокументированной истории. Нет упоминаний ни о такой деревне, ни о таком городе, история существует лишь в памяти и воображении стариков. Историческое повествование жители городка всегда начинают со слов: «А вот рассказывают...»

Чьи же истории они пересказывали? Истории Губернатора Ду, Министра Фана или Главы Гуаня. Губернатор, Министр, Глава – это всё не должности, а самые обычные и заурядные имена, и именовавшиеся так люди точно так же, как и те, кого звали «Собачьим Отродьем» или «Коровьей Лепешкой», или «Вонючкой», пасли коров, пахали землю и ездили на телегах. Вот только по возрасту они были старше, из них уже песок сыпался. Одним словом, достоверность истории Хулучжэня – под большим вопросом.

3

Начиная с того дня, когда старший брат И в одиннадцать лет пошел в начальную школу, его начали звать И Ши. Учи-

тель спросил его:

– Сколько у тебя братьев?

Тот растопырил пальцы, посчитал в уме, загибая один за другим, а затем поднял голову и ответил:

– А отца считать? Если с отцом, то нас шестеро. А если без отца, то пятеро.

Учитель расхохотался, оскалив желтые зубы.

Это стало любимым анекдотом, которым частенько смешили друг друга учителя, ученики и прочие селяне. Кто бы ни встречал И Ши, ему раз за разом задавали один и тот же вопрос, а И Ши всякий раз загибал пальцы, старательно считая братьев и выдавая два ответа. Это развлекало жителей городка примерно полвека.

В этой деревне, которая именовалась городком, почти в каждой семье был как минимум один дурак. Если же детей в семье было больше трех, то один из них точно был настолько туп, что в дождливый день не догадывался укрыться под крышей. В семье И братьев было пятеро, и старшему из них, И Ши, выпала в жизни роль полоумного дурачка.

Старший И пошел учиться только в одиннадцать лет, в один класс со вторым братом И Баем. В первом классе он проучился три года, потом четыре года пробыл во втором. И только когда третий брат, И Цянь, перешел в средние классы, он, наконец, отказался от затеи получить образование.

И вот ему исполнилось восемнадцать, а значит, пришла пора жениться. Душу И Ши терзала глухая обида, а между

ног у него постоянно было сыро. Был пасмурный день с кратковременными прояснениями; после полудня он вышел из класса, с ранцем на плечах поднялся в гору, во всё горло пропел «Отрубим мечами головы чертям!» и так напугал семейных овец, которых пас Слепой Го (официальное имя – Генерал Го), что они кинулись врассыпную, а две овцы даже чуть на дерево не залезли. Генерал Го, вне себя от гнева, кинулся на И Ши, потрясая навозными вилами, но по неосторожности упал в каменный карьер и сломал левую ногу. Этот случай объясняет, почему и Слепым Го, и Хромым Го называли одного и того же человека – Генерала Го.

В восемнадцать лет И Ши по собственной инициативе бросил второй класс начальной школы. Складывать и вычитать в пределах десяти он ловко умел при помощи пальцев на руках, но если число было больше десяти, приходилось снимать ботинки. Скорость одновременного счета на пальцах рук и ног была немного медленнее, к тому же не было гарантий, что с первого раза получится точно. Но старший брат И был человеком скрупулезным, результат расчетов на пальцах рук он зачастую проверял расчетами на пальцах ног, и так до тех пор, пока оба ответа не совпадут. Старик И, глядя, как старается его сын, тяжело вздыхал: «Эх, грехи наши тяжкие, не бывать тебе счетоводом!»

Почему городок называли Хулучжэнем, всегда было загадкой. Старики говорили, что в древние времена в тигриной пещере в горе Хоушань⁴ (другое название горы – Тайшань⁵, а высота ее не более сорока метров над уровнем моря) спрятали золотую тыкву-горлянку. Кто спрятал? Да боги, кто же еще?! А какой конкретно бог? Сложно сказать. Эта бледная, притянутая за уши, отличающаяся отсутствием фантазии легенда даже самим рассказчикам казалась несколько нежизнеспособной. Ведь это же просто слова, кто в них поверит. Если бы золотая тыква-горлянка существовала на самом деле, кто бы стал ее прятать в этом глухом захолустье?

Однако И Ши правильно говаривал в детстве: «Место, в котором мы живем, похоже на тыкву-горлянку». Если посмотреть на топографическую карту, то по своим очертаниям городок действительно напоминает тыкву-горлянку, что подтверждают и слова И Ши, приведенные выше. Но не было ли в них какого-либо иного смысла? И Ши не сопровождал эти слова глубоким толкованием, и расспрашивать его никто не стал.

До тех пор, как появилась карта, некоторые поднимались посмотреть на городок с горы Хоушань (Тайшань): это самая

⁴ Хоушань – Задний склон (прим. переводчика).

⁵ Тайшань – буквально Гора Восхода (прим. переводчика).

высокая точка города, но всё же полной панорамы и оттуда было не увидеть. И Ши насмеялся: «Кучка дураков, одни глупости только делают, с горы можно только деревья увидеть, а тыкву-горлянку с нее не увидишь». Он широко расставлял ноги, опускал к земле голову, просовывал ее между ног и говорил: «Лучше бы вот так смотрели!»

И Ши еще собирался изготовить лестницу в небо, поставить ее на вершине горы, чтобы люди могли посмотреть вниз с лестницы. Но впоследствии он отказался от этой затеи, сказав: «Куда ж я прислоню эту лестницу, когда сделаю ее?» Эту проблему никто разрешить не мог.

5

И Ши учился грамоте семь лет, но так и не продвинулся дальше второго класса. Помимо того, что он научился с помощью пальцев складывать и вычитать в пределах десяти, а также мог проверить правильность расчетов с помощью счета на пальцах ног, еще он выучил наизусть одно танское стихотворение в жанре ши⁶: «Машу мотыгой под полуденным солнцем, пот капает на землю под ногами, знаете ли вы, каким трудом достается каждое зернышко, что лежит у вас на тарелке». И Ши мечтал стать не счетоводом, а учителем. Он

⁶ Жанр древнекитайской поэзии, для которого характерна равностоппность строк, неограниченность количества строк, смысловые и грамматические параллелизмы (*прим. ред.*).

очень завидовал профессии учителей, ведь они могут ругать каждого, кого захотят. Шесть с половиной из тех семи лет, что он учился в начальных классах, он провел, осыпаясь непринужденной учительской бранью.

Ругань учителя была красноречивой и задевала за живое. Наставник любил ткнуть пальцем в лоб или грудь какого-нибудь ученика и залиться безостановочной бранью. Он мог обругать всех твоих предков до восьмого колена и проклясть твоих сыновей, чтобы у них задницы заросли и они тебя без внуков оставили. А мог и «вширь» пойти – обругать негодниками твоих родственников и соседей. Сначала он начинал ругать кого-то одного, например, Сунь Чжишу по прозвищу Яичная Скорлупка, а потом уже принимался за всех разом, перепрыгивая с одного на другого, да так, что никому от него было не скрыться. «Ах вы, черепаши дети, жрете вы кукурузный жмых – срете кровью, пьете коровий навоз – ссыте битым стеклом, ни одного путного среди вас нет! И отец твой дурак, и мать – дура, и все у вас в семье дураки до восьмого колена! Да вас рано или поздно машина задавит, за водой пойдете и в колодце утонете, пить будете – захлебнетесь, есть будете – подавитесь, рыба кость в горле застрянет, от соплей задохнетесь...» В общем, он умел напроорочить ученикам одновременно двадцать с лишним способов умереть.

Фамилия учителя была Цун, в лицо ученики его звали учителем Цуном, а за глаза – Цун Большая Челюсть. И Ши очень любил слушать, как учитель Цун ведет уроки: ругань

учителя ему казалась очень интересной. А еще больше ему нравилось смотреть на то, какими жестами учитель сопровождает ругательства и как он при этом гримасничает. Цун так выпучивал глаза, что те едва не вываливались из глазниц, руками загребал то вверх, то вниз, то вправо, то влево, а в уголках его рта скапливалась белая пена. И Ши это очень веселило, и он слушал уроки учителя Цуна семь лет подряд. Он и сам очень хотел стать учителем, причем таким же, как и Цун, чтобы, только открыв рот, сразу произносить: «Ах вы, черепаши дети...» – и далее по тексту. Став учителем, И Ши смог бы ругать кого вздумается, сколько влезет и какими угодно грязными словами.

Школа – это такое место, где ругаются учителя, а учеников учителям специально поставляют для ругани, это И Ши знал хорошо.

6

С песней «Отрубим мечами головы чертям» И Ши закончил свою учебу: вечером того же дня, возвращаясь домой, он орал у каждого двора эту песню, и жители городка единодушно решили, что И Ши окончательно сбрендил. Одна только прозорливая старуха Янь с западного берега сказала: «Пора И Ши девку найти и в жены взять».

И Ши три дня кряду пел «Отрубим мечами головы чертям» и наконец-то дождался ответа. Высокочастотный ре-

продуктор разнес по Хулучжэню лозунг культурной революции: «Огонь по штабам – мое дацзыбао⁷».

И Ши с его большим ножом и председатель Мао с его пушками наполнили городок громом снарядов и сиянием лезвий.

На собрании по критике несознательных И Ши первым крикнул: «Долой моего отца!» И односельчане, не мешкая, вскинули руки и изо всех сил закричали: «Долой моего отца!» Когда они прокричали это три раза кряду, И Ши почувал, что что-то тут не то, и погрузился в долговременные раздумья, прокусив себе зубами палец (у И Ши была привычка в сложных ситуациях засовывать в рот палец и покусывать его). Разобравшись, в чем произошла нестыковка, он выскочил на сцену и громко крикнул: «Нечего ерунду кричать, речь о моем отце, а не о ваших!» Только тут-то все и прозрели. Тогда односельчане уже в ответ на призывы И Ши «Долой моего отца!» отвечали иначе: «Долой твоего отца!»

И Ши вновь вернулся в школу. Ученики связали учителя Цуна. Он стоял на коленях на позорной трибуне, которую соорудили из сдвинутых парт, а под колени ему насыпали битого стекла. Ученики младших классов, подпрыгивая, отвешивали ему оплеухи, пена в уголках его рта из белой превратилась в красную.

И Ши не одобрял избиение учителя, предлагая ругать его. Половина учеников согласилась с И Ши, а вторая полови-

⁷ Дацзыбао – рукописная пропагандистская стенгазета. Дацзыбао получили широкое распространение в эпоху китайской «культурной революции» (прим. ред.).

на выразила категорический протест. Критические собрания стали проводить поочередно в двух разных формах. «Ругатели» во главе с И Ши только ругали, но не били. «Драчуны» во главе с Сунь Чжишу (по прозвищу Яичная Скорлупка) только били, но не ругали. «Драчуны» в качестве орудий критики использовали палки, плетки и ремни, избивая Цуна Большую Челюсть так, что на нем не оставалось живого места и он едва-едва дышал. А «Ругатели», воспользовавшись грязными выражениями, накопленными многочисленными поколениями жителей Хулучжэня, разделали Цуна Большую Челюсть под орех, заставив его потерять дар речи.

«Драчуны» ранили только плоть, а вот «Ругатели» трогали за душу. В конце концов Цун Большая Челюсть взмолился о пощаде, умоляя И Ши: «Ах ты, черепашьё отродье, пускай уж лучше Яичная Скорлупка забьет меня насмерть. Не надо меня больше ругать!»

7

В Хулучжэне три года подряд свирепствовал неурожай, от голода вымерла пятая часть населения – практически столько же, сколько в общем количестве жителей составляла доля дураков. В каждой семье умер как минимум один человек, были и две семьи, в которых умерли все. Были и три семьи, в которых никто не умер – это были семьи деревенских кадровых работников. Прежде собирали тыкву величиной почти с

нижний жернов, но в те три неурожайных года она вырастала не больше тарелочки. С деревьев ободрали всю кору, выкопали и съели все корешки, а кукурузный жмых и растертые стебли гао льяна стали знатным угощением для дорогих гостей.

Вся деревня страдала водянкой и вздутием живота, всех донимал кровавый понос.

И Ши в то время было всего десять с небольшим, целыми днями он отчаянно грыз свои руки, едва не обгладывая их до самых костей. Бабушка мазала ему пальцы куриным пометом, чтобы ее внука отпугивали грязь и вонь, и только благодаря этому его руки смогли уцелеть.

Бабушка И Ши принесла из теткиного дома маленький кусочек тыквы и тайком сунула его старшему внуку. И Ши жаль было заглатывать кусок целиком, и он медленно облизывал его языком.

– Вот будь я императором, я бы каждый день ел тыкву, большими-большими кусками, – сказал он бабушке. А потом спросил: – Бабушка, ты голодная?

Бабушка ответила, сглатывая слезы и улыбаясь:

– Нет, бабушка не голодная, бабушка всю жизнь тыкву ела, уже наелась.

На следующий день бабушка испустила дух. И Ши вытащил у бабушки изо рта липкий комок глины. «Ну и странная же бабушка, – подумал И Ши, – тыква, попав к ней в рот, превратилась в глину!»

Старика И подвергли критике за то, что он в свое время несколько дней прослужил счетоводом. Он уже оправдывался во время движения «четырёх чисток», а теперь пришлось оправдываться заново. Для борьбы всегда нужен какой-то объект, и в этом городке кроме старика И, который когда-то мазал волосы рапсовым маслом так обильно, что оно стекало по шее, объектами борьбы стали еще два человека. Один – начальник производственной бригады, которому доводилось носить красные кожаные сапоги, второй – Ню Цзогуань, который носил зеленую форму и до создания Нового Китая работал почтальоном.

Красные кожаные сапоги Ван Личжэна, начальника производственной бригады, были символом власти. Сапоги эти сразу бросались в глаза и производили на односельчан глубокое впечатление. Не было в городке никого, кто не знал бы о «красных кожаных сапогах» – они стали вторым именем Ван Личжэна. Сапоги, которые Ван Личжэн носил на ногах, глубоко отпечатались в сердцах односельчан. Каждый Новый год по лунному календарю начальник Ван, обувшись в эти единственные во всём городке красные кожаные сапоги, обходил все дворы с поздравлениями, и сапоги эти доводилось видеть как минимум трем поколениям городка. Ван Личжэн надевал их всего раз в году, но они появлялись на его ногах

уж без малого тридцать с лишним лет.

На зеленой форме Нью Цзогуаня, говорят, в два ряда были пришиты пуговицы из латунной меди, что тоже привлекало взгляды односельчан. Эта форма многих пугала, и поэтому, если у кого-то дома происходил конфликт или терялась какая-то вещь, урегулировать и проинспектировать это дело отправляли одетого в форму Нью Цзогуаня. Многие из жителей Хулучжэня считали, что форма – это чиновничья одежда, а человек, который носит чиновничью одежду, и есть самый настоящий чиновник – конечно, у него больше знаний и престижа, чем у простых людей.

От острого народного взгляда не утаится, где добро, а где зло, где правда, а где ложь. Те, кто мажет волосы маслом, носит униформу, обувается в кожаные сапоги, – те отрываются от коллектива, поэтому вполне естественно, что они стали мишенью всеобщей критики.

Больше всего расстраивался старый И: он-то не носил зеленую форму и не обувался в красные кожаные сапоги, он всего-то тайком от жены зачерпнул из чана да вылил на голову пару черпаков рапсового масла, что в результате и стало предметом целой серии разбирательств. Однако сильнее всего его удручало то, что его старший сын И Ши первым закричал: «Долой моего отца!»

9

Здание городской средней школы строили японцы. Дом из красного кирпича с черепичной крышей смотрелся куда солиднее жилищ рядовых селян. И зданий такого архитектурного стиля в городке тоже больше не было. Но люди не хвалили здание школы, а удивлялись «странности мелконосых», которые даже дома «на два фронта» строят.

«Мелконосыми» называли японцев, а «большеносыми» – русских. Жители городка видели только три типа иностранцев: японских чертей, советских красноармейцев и албанцев. О японцах и русских часто упоминали много повидавшие на своем веку старики, которые не только видели «мелконосых» и «большеносых», но и общались с ними. Однажды мимо городка проезжала экскурсионная группа из Албании, и все жители, от мала до велика, выстроились в шеренги вдоль дороги и, размахивая бумажными флажками, ритмично кричали: «Приветствуем, приветствуем, горячо приветствуем!» Старики были убеждены в том, что это русские, ведь выглядят они все одинаково, эти «большеносые».

10

И Ши был близок к тому, чтобы стать главарем городских бунтарей, но проблемы с образом жизни поставили крест на

его политической карьере.

В те дни, когда весь городок с пылким энтузиазмом отстаивал революционный курс председателя Мао, никто не считал И Ши дураком. Односельчане забыли анекдот о том, как он на пальцах подсчитывал, сколько у него братьев, а некоторые даже хвалили его, называя перспективным, ведь он первым встал и крикнул: «Долой моего отца!» «Ругатели» во главе с И Ши были ближе обществу, чем «Драчуны» – так он и стал преданным сторонником лозунга «бороться на словах, а не на кулаках».

И хотя некоторые и звали его за глаза «дуралеем И», в глубине души они всё же признавали, что по сути он человек хороший.

О том, что у И Ши не всё в порядке с образом жизни, он сам разболтал, но поначалу в это никто не верил.

Жена паралитика Ваня, что жила на востоке городка, никак не могла забеременеть, и виноват в этом был ее муж, который вечером в день свадьбы набрал ведро воды с ледяной крошкой, чтобы искупаться. После того самого дня, как он женился, нижняя часть его тела и перестала работать как следует. Он не то что семя, даже мочу из себя выдавить не мог – пришлось проделать в животе дырку и провести для сброса мочи резиновую трубку. Паралитик Вань и его жена буквально спали и видели, как бы им ребеночка завести, но никак не могли найти хороший способ. Если кого-то усыновить или взять на воспитание, то это всё равно будет не родная

плоть и кровь, с таким ребенком не будут связывать крепкие родственные чувства. А самому паралитику Ваню выдавить семя сил не хватало, какие бы пальцы толстые ни были, а ничего не получалось. Супруги жили от ссоры к ссоре, паралитик Вань страшно терзался и часто бился головой о стену. Почти ежедневно к ним звали на подмогу – то голову перевязать, то стену штукатурить.

Промаявшись так несколько лет и совсем отчаявшись, паралитик Вань придумал план. Он решительно заявил жене, что ей придется забеременеть от чужого семени. Ради того, чтобы их род не прервался, он готов по доброй воле стать рогоносцем. Жена растрогалась и заплакала, но поклялась непременно исполнить желание мужа.

– Вот только боюсь, что твоя пашня тоже никуда не годится! – переживал паралитик Вань. Он трудился на пашне своей жены уже несколько лет и всё сомневался, сможет ли дать ростки и взойти брошенное в нее семя. У кого бы его позаимствовать? Да и кто вообще осмелится его дать? Да и дело это нельзя предавать большой огласке; чем меньше людей знают об этом, тем лучше. Размышляя так, они и вспомнили про дурака И Ши.

11

Маленькая речка разделяет Хулучжэнь на две части – западный и восточный берег. Каменный мост соединяет оба

берега между собой, но жители западного и восточного берегов ходят друг к другу не по мосту, а напрямик по дну реки, потому что большую часть года русло ее сухое. Летом, в половодье, в речку бросают несколько больших камней, и селяне с обоих берегов ходят через реку по этим камням, как им вздумается. По каменному мосту, который стоит на реке, могут ездить машины, к тому же в две полосы. Через реку есть большой мост, но в реке нет воды. По мосту ездят машины, но под мостом не плавают лодки.

Когда в речке есть вода, женщины стирают в ней одежду. Летом, когда идут обильные дожди, в речке можно купаться. Среди купающихся, помимо малых детей, сплошь одни только женщины, бабы из дворов западного и восточного берегов. А мужчины никогда не моются в реке вместе с женщинами, потому что по обеим сторонам реки есть две большие дороги, и идущим по ним отлично видно всё, что делается в воде. Юноши и девушки, молодые замужние женщины не отваживаются продемонстрировать себя нагишом. И только женщины средних лет, собираясь вместе, бесстыдно плещутся в воде глубиной не выше щиколотки, обнажив грудь, громко смеясь и переругиваясь. А если какой-то идущий по дороге мужчина искоса на них поглядывает, то бабы в реке поднимают шум и говорят так грубо и пошло, что он смущенно опускает голову и убирается восвояси.

Эта река – место общения женщин городка, а также пункт сбора всяких слухов и обмена сплетнями. Семейные пере-

дряги и интимные секреты всех городских дворов – это вечная тема обсуждения у женщин, которые толпой купаются здесь и стирают белье. И новость о том, что жена паралитика Ваня забеременела от «донора», тоже пришла именно отсюда.

12

Паралитик Вань и его жена в деталях спланировали операцию «донорства». В качестве своей цели они выбрали И Ши, исходя из следующих соображений: во-первых, И Ши молодой и крепкий, чистый и невинный, он не мог путаться с другими женщинами; во-вторых, И Ши глупый и бестолковый, не станет болтать об этом на каждом углу, а даже если и разболтает, никто в это не поверит; в-третьих, проект не обещает быть особо затратным. Ну а самым главным соображением было то, что в случае с другими мужчинами паралитик Вань не мог быть уверен, что его жена, отведав лакомый кусочек, захочет вернуться к мужу.

Выбрав подходящий денек, жена паралитика Ваня тайком разыскала И Ши и наврала ему, что братец Вань хочет угостить его вином.

И Ши хоть и был глуп, но всё же способен был «отделять мух от котлет». За все те годы, что он прожил на белом свете, «угостить» его хотели впервые. Он ощерился и с хихиканьем сказал:

– Сестрица, нечего меня обманывать, я не дурак.

Жена паралитика Ваня, клянясь и божась, сказала:

– Братец И Ши, да за кого же ты меня принимаешь? Да разрази меня гром, если я тебе вру. Братец Вань дома совсем захандрил от одиночества, поэтому он хочет с кем-нибудь опрокинуть пару рюмочек и за жизнь поболтать.

И Ши готов был пуститься в путь тотчас же, но жена паралитика Ваня сказала:

– Солнце еще высоко стоит, я пойду домой, приготовлю чего-нибудь поесть, а ты приходи, когда солнце за гору сядет.

И Ши радостно поскреб в затылке и сказал:

– Как стемнеет, так я и приду.

Тогда жена паралитика Ваня наказала ему:

– Только ты один приходи и никому про это не рассказывай, в том числе и своему отцу, а то если много народу набегит, то вина не хватит.

И Ши ответил:

– Не такой уж я дурак! Лакомый кусочек каждый сам норовит съесть, а если я отцу про это расскажу, то мне разве что-то достанется?

13

Есть в городке одна непонятная традиция – бить жен и детей. Практически в каждой семье мужа регулярно или нерегулярно избивают своих благоверных. Когда опускает-

ся ночь и всё затихает, зачастую, помимо собачей брехни, можно услышать истошный вой женщин и горестные рыдания детей.

В городке, названном «тыквой-горлянкой», и заправляют всем «тыквы-горлянки»: последнее слово всегда за мужчинами. В Хулучжэне из поколения в поколение передается патриархальная присказка: «Бык нужен, чтобы запрягать его в плуг, конь – чтобы везти телегу, а жена и дети – чтобы добавлять хлопот». Подкаблучников здесь презирают, им не выбиться в люди.

Самый простой, самый прямой, самый эффективный способ доказать, что не боишься жену – это, конечно, поднять на нее руку. Поэтому в каждом доме сыновья наследуют от отцов эту жестокую традицию.

Мужчины Хулучжэня бьют своих жен не просто так, для виду. Уж если начнут махать кулаками, то дубасят со всей силы, не задумываясь о последствиях, поэтому в городке частенько можно увидеть женщин хромых, с согнутыми спинами, перебитыми руками, слепых, криворотых, с недостатком зубов и лицами, испещренными шрамами. Всё это – свидетельства свирепого и неукротимого нрава местных мужчин. Мужчины бьют женщин, женщины бьют детей, дети бьют собак, собаки кусают мужчин – таков уникальный жизненный уклад и картина нравов городка.

Старик И не бил жену, зато она иногда гоняла его по улице коромыслом. Дома он был козлом отпущения, а на людях

не смел поднять голову. Начиная с движения «четырёх чисток» он то и дело попадал в передраги, что было следствием его дурной славы, ведь все знали, что он боится жены. Большинство анекдотов, рассказываемых в городке о подкаблучниках, повествуют о старике И.

14

И Ши пришел домой к паралитику Ваню, не дождавшись, когда окончательно стемнеет. Он так проголодался, что у него бурчало в животе, а изо рта стекала струя слюны длиной в полфута.

Обеденный стол стоял на кане, в западном флигеле – там, где долгие годы без движения ютился паралитик Вань, и в комнате стояла такая вонь от мочи, что И Ши зажал рукой нос.

Жена паралитика Ваня нарядилась в полупрозрачную розовую рубашку, груди ее разделяла отчетливая ложбинка. Улыбаясь, она поприветствовала братца И Ши и принялась хлопотать, расставляя по столу только что приготовленные горячие блюда. Порция омлета, тарелка тушеного тофу, а еще крахмальная лапша с тушеным цыпленком и холодная закуска – шинкованные огурцы с креветками.

Паралитик Вань с усилием подвинул свое тело поближе к столу и дрожащими руками налил И Ши полную рюмку крепкой водки. «Давай, братишка, хлопнем с тобой по рю-

мочке». Не дожидаясь, пока И Ши поднимет рюмку, он запрокинул голову и осушил свой стакан.

Хмель развязал паралитику Ваню язык, и он изложил И Ши все перипетии своей жизни. Он то смеялся, то плакал, беспрестанно похлопывая себя по груди и пихая И Ши в плечо. А И Ши знай себе пил да ел: какое ему дело до размышлений о жизни и внутреннего мира паралитика Ваня. Про себя он думал: «Я-то знаю, чего ты плачешь, ты смотришь, как чужой у тебя еду ест, водку пьет, вот тебя жадность-то и терзает. А кто тебя заставлял меня к себе приглашать? Теперь уж поздно жалеть о содеянном. Некоторые меня дураком называют, а как по мне, паралитик Вань глупее меня в сто раз». Не дождавшись, пока И Ши напьется, паралитик Вань сам напился в стельку.

Жена паралитика Ваня сказала:

– Он слишком много выпил и уснул. А ты, братец, еще не наелся, давай перенесем столик в восточный флигель, и ты там выпьешь еще пару рюмочек.

И Ши взглянул на нее и сказал:

– Ну что ж, сестрица, выпью, неужто ты думаешь, что тебя убоюсь?

15

Значительнейшим зданием в Хулучжэне был клуб, расположенный в центре города. От японцев и русских, которые

успели постоять гарнизонами в этом городке, осталось множество заимствованных слов, и «клуб» был как раз одним из них.

Этот клуб (его еще называли дворцом культуры) построили вовсе не японцы и не русские, его спроектировали и возвели местные жители, поэтому он был городской гордостью. По сравнению с обычными жилыми домами здание клуба выглядело весьма внушительно. И хоть внутри было всего четыреста мест, в него вполне могла вместиться тысяча с лишним человек, если набивать битком. Деревенским было не по нраву то, что каждому человеку полагается отдельный стул, главное было для них – втиснуться внутрь, а уж стоять или сидеть и где стоять или сидеть – на полу, на спинках стульев или даже на других людях – это всё равно. Основными функциями клуба были проведение митингов, показ фильмов и постановка спектаклей.

Среди спектаклей преобладали опера и танцы с песнями. Жители городка не особо любили слушать оперу, им больше было по душе смотреть песенно-танцевальные номера, которые сами ставили и показывали работники культурно-агитационной бригады.

Изначально культурно-агитационная бригада называлась коллективом художественной самодеятельности – его организовала группа местных мужчин, которые владели искусством игры на духовых и смычковых и пения под собственный аккомпанемент, а позже к ним присоединились много-

численные талантливые певицы и танцовщицы – девушки и молодые женщины. Кадровый состав городка их очень подерживал и специально выделил несколько боковых помещений клуба для репетиций. Хотя коллектив и был самостоятельным, всё же каждый год у него было много возможностей для репетиций и выступлений. Прежде чем жениться, паралитик Вань играл в этом коллективе на эрху⁸. А теперь его жена пела там оперные партии.

Некоторые говорили, что жена паралитика Ваня никогда по-настоящему не выступала на сцене, только выполняла целыми днями вокальные упражнения: «И-и-и, а-а-а», а полностью ни единой партии не спела.

16

Жена паралитика Ваня затащила И Ши за собой в восточный флигель и застелила на печи-лежанке постель. Запаха мочи здесь не было, но был аромат зубного порошка. И Ши, рыгая от сытости, уселся на край лежанки. Жена паралитика Ваня подтолкнула его, и И Ши упал навзничь на накрытую вышитым сатиновым одеялом лежанку.

В конце концов, благодаря всяческому заигрываниям и усердному соблазнению со стороны жены паралитика Ваня, а также в силу инстинкта, И Ши поборол свою врожденную

⁸ Традиционный китайский струнный смычковый инструмент. Эрху используется в народной музыке, в китайской опере и в ансамблях (*прим. ред.*).

тупость и из идиота превратился в самца. Он никогда не испытывал такого сильного наслаждения и пришел в такой экстаз, что начал громко кричать. Этот потрясающий до глубины души, пробирающий до печенок крик разбудил паралитика Ваня, который дрых, словно мертвый хряк. В пустой голове И Ши всплыло воспоминание о том куске вареной тыквы, который сунула ему в детстве бабушка. Он тогда сказал, что если станет императором, то будет каждый день есть тыкву, большими-большими кусками. Но теперь его мнение изменилось, ему казалось, что если бы он действительно стал императором, то, наевшись досыта тыквы, отправлялся бы к жене паралитика Ваня. И если бы ему предложили выбирать что-то одно, то он предпочел бы не есть тыкву, а вместо этого уложить под себя жену паралитика Ваня.

Стоны, которые доносились из восточного флигеля, где сплелись в экстазе разгоряченные тела, терзали паралитика, лежащего на печи в западном флигеле, пуще любых мук. Сначала он поочередно то одной, то другой рукой отвешивал себе пощечины, а после начал со всей дури биться головой о край печи. К тому моменту, как из восточного флигеля донесся последний протяжный стон И Ши, на лбу паралитика Ваня налилась шишка размером с пампушку.

Когда трижды прокричал петух, жена Ваня обманам и уговорами спровадила И Ши восвояси. Чтобы посеянное семя точно пустило ростки и дало всходы, она велела И Ши каждый вечер приходить к ним пить водку.

Практически целый месяц напролет И Ши каждый вечер наведывался в дом паралитика Ваня поесть и выпить. Ему казалось, что он получает от еды и любви удовольствие, неизвестное даже самому императору. Лицо жены паралитика Ваня зарумянилось, и она стала выглядеть куда моложе, чем прежде.

Но однажды она переменялась в лице и сказала И Ши, чтобы тот больше не смел являться к ней на порог. Боясь, что И Ши не захочет уйти, она засунула ему в карман пару вареных яиц. И Ши расстроено заплакал: его императорские мечты были бесжалостно разбиты.

17

По мере того, как всё жарче становилось лето, усиливался накал политических страстей в городке. Селяне с невиданным революционным пылом развернули в этом маленьком горном селении, которого не было даже на картах, невиданную классовую борьбу.

Размахивая руками и срывая голоса, они днями и ночами безостановочно выкрикивали стандартные лозунги типа «Долой!» и «Да здравствует!». Избитого учителя Цуна (Цуна Большую Челюсть) держали в заложниках «Драчуны» под предводительством Сунь Чжишу; они заставили его исписать все стены в городке шокирующими лозунгами, да еще и крупным шрифтом.

Селяне не занимались земледелием, но всё равно могли вести учет единиц работы. Раз засохли капиталистические всходы и выросла социалистическая трава, значит, цель движения достигнута. Главным врагом был Лю Шаоци, а его подельниками – старик И, Ню Цзогуань и Ван Личжэн, шайка буржуазных чиновников, которые мазали головы маслом, носили форму и красные кожаные сапоги – до того, как Ван Личжэна подвергли критике, он был начальником производственной бригады.

Полное имя старика И люди уже позабыли; на висящей у него на груди табличке были сикось-накось написаны два слова: «Чудовище И». Три омерзительных монстра – Чудовище И, Ню Униформа и Красные сапоги – каждый день жили по строго определенному порядку: склоняли головы, признавая грехи, ходили по улицам в позорном шествии и становились на колени для принятия порции новой критики...

После того как Цун Большая Челюсть исписал стены всего городка лозунгами, он с чистой совестью отдался в руки народного правосудия и совершил самоубийство ради избежания наказания под градом беспорядочных избиений.

Физиологические удовольствия заставили И Ши на время забыть о политических радостях. Воспользовавшись случаем, Яичная Скорлупка (Сунь Чжишу) получил перевес в свою пользу, «Драчуны» победили «Ругателей», а смерть Цуна Большой Челюсти стала блестящим достижением «Драчунов».

И Ши не мог сдерживать свою страсть к жене паралитика Ваня. Он, как и прежде, каждый вечер стучался в дверь их дома. Начиная с того дня, когда жена паралитика сунула ему пару яиц, ворота их дома всегда были на замке.

И Ши стоял перед домом паралитика Ваня, крича, вопя, грязно ругаясь и умоляя, а паралитик Вань через окно отвечал ему точно такими же криками, воплями, мольбами и грязной руганью.

Сделка, которую предполагалось обставить втайне, теперь всплыла на поверхность. Хотя на протяжении почти целого месяца И Ши каждый день ходил домой к паралитику Ваню, никто из жителей городка этого не видел. В те дни люди всеми своими помыслами были погружены в дела государственной важности, встав на защиту своего милостивого предводителя, и никто не заметил, что в толпе городских дурачков недостает одного – И Ши.

Буйное поведение И Ши тотчас же стало центральной темой обсуждений женщин, которые купались и стирали одежду в реке; они озвучивали догадки о различных эротических деталях так, будто бы каждая из них была очевидицей событий. Они в красках описывали всяческие позы и стоны этой парочки, состоящей из дурачка и вдовы живого мужа, да так, будто бы присутствовали при этом лично.

И Ши перешел от стука в ворота к попыткам выбить окна и двери, и пришлось жене паралитика Ваня, скрепя сердце, поведать кадровому составу городка об истинном положении дел. Власти городка специально отрядили людей, чтобы пресечь преступное хулиганское поведение И Ши. Но И Ши не признал себя виновным, да еще и сказал: «Председатель Мао тоже этим занимается».

В результате в характере случившегося произошла существенная перемена. Содеянное И Ши превратилось из вопроса о его моральном облике в политическую ошибку. Связав, его посадили на телегу и отвезли на суд в вышестоящее учреждение.

Спустя месяц дурака И Ши осудили как «активного контрреволюционера», который злостно порочил великого кормчего, и посадили на пятнадцать лет.

Селяне говорили, что И Ши получил за свои бредни по заслугам, потому что председатель Мао вообще даже не был знаком с женой паралитика Ваня.

19

На второй день после ареста И Ши в Хулучжэнь из Пекина вернулся Ню Юньван. У Ню Юньвана была кличка «Два Пинка», и он был старшим сыном Ню Униформы – то есть Ню Цзогуаня. Он был единственным в городке студентом, который учился в Пекине. А Пекин был политическим цен-

тром в истинном значении этого слова; можно представить, какого накала достигло там движение. В университете прекратили занятия и устроили революцию; покуролесив в этой сумятице некоторое время, Нью Юньван понял, что ничего интересного в этом нет. К тому же из дома уже полгода с лишним как не присылали денег, поэтому встал вопрос о пропитании. Вот и пришлось ему попросту сесть в поезд да вернуться домой.

Из-за того, что разыгранная И Ши и женой паралитика Ваня необычная и трогательная, но при этом абсурдная и печальная любовная драма снизила накал политических страстей и охладила стремление селян к борьбе, во всеобщих взглядах и интересах произошла единовременная перемена. Преступные элементы – Чудовище У, Нью Униформа и Красные сапоги – больше не подвергались денно и ночью критике со стороны народа. Они понуро прятались по домам, зализывая раны, словно выдранные за мелкую пакость собаки.

Когда Нью Юньван увидел своего отца Нью Цзогуаня, здоровье того уже практически восстановилось.

Но отец вовсе не обрадовался возвращению своего сына в Хулучжэнь, напротив, оно повергло его в еще большую панику. Он тревожился о нынешнем положении своего сына и еще больше печалился о его дальнейшей судьбе. Он подозвал Нью Юньвана к себе, затворил окна и двери и шепотом велел ему быть крайне осторожным, ни в коем случае не болтать о ситуации в Пекине.

Хотя учился в университете Нью Юньван средненько, политически он был весьма зрел. По степени жестокости «борьба», которую он пережил в университете, ничуть не уступала злоключениям его отца. Он крепко помнил чужую науку и отцовский наказ и старался хранить молчание. Когда Сунь Чжишу спросил его о ситуации в Пекине, он ответил просто: «Ситуация отличная, не хорошая, не очень хорошая, а отличная, и будет становиться только лучше».

20

Жена паралитика Ваня родила сына, здоровяка. Он уродился крепким малым, уже в три месяца начал везде ползать. Чудовище И пришел тайком взглянуть на этого малыша, глаза его в тот момент увлажнились. Это действительно был сын И Ши – его внук. Во внешних чертах ребенка явно просматривалась наследственность рода И. Чудовище И не осмеливался намекать на это жене паралитика Ваня и уж тем более не смел какими-то другими способами демонстрировать родственную близость.

Характер паралитика Ваня становился всё хуже и хуже, теперь он уже не так жаждал сына, как прежде. Когда находились силы, он садился на печи и принимался за ругань, говорил сумбурно и неразборчиво. А жена его уже не потакала ему во всё, как раньше, а частенько брала в охапку ребенка и уходила в излучину реки стирать одежду. Ей не хотелось

целыми днями сидеть дома и выслушивать укоры и брань мужа и уж тем более ей не нравился резкий запах мочи.

Память у большинства жителей городка была короткой, и уже мало кто обсуждал происхождение этого ребенка. Они не интересовались историей и куда больше следили за различными неподтвержденными новостями. Новость, по мнению хулучжэнцев, – это секрет, узнанный каким-то сомнительным способом и озвученный тайно каким-то загадочным человеком, который при этом несколько раз говорит слушателям, что посторонние об этом ничего узнать не должны. В силу специфики своего распространения эти новости назывались «информацией из тайных источников». Их нельзя было узнать по радио или из газет и уж точно нельзя было послушать в местах массовых сборов, например, на народных митингах. «Информация из тайных источников» не нуждалась в подтверждении, и люди не желали докапываться до истины, которая за ней кроется. Всем нравилось слушать информацию из тайных источников, и все в нее безусловно верили.

Информация из тайных источников подразделялась на два типа. Первый тип – это крупные события, которые касались военных действий, политической ситуации и кадровых перестановок на высшем государственном уровне. Эти новости были мужской прерогативой. Частенько компании из трех – четырех человек, обладающих общим уровнем познаний и сходными интересами, тихой ночью собирались в

маленькой комнатке и под тусклыми, мигающими от недостатка напряжения электрическими лампами, покуривая сигареты, шушукались между собой. Все они сидели с серьезным видом и, понизив голос, обсуждали воображаемые или узнанные из сплетен сенсационные события. Другого рода информация из тайных источников была темой женских обсуждений, она не обладала спецификой эпохи и политической окраской, а ареал происхождения новостей ограничивался Хулучжэнем. Эти новости затрагивали домашние и интимные дела соседей, большинство участников событий были всем знакомы, а содержание их в основном составляли отношения между свекровьями и невестками или мужчинами и женщинами. Местом распространения этих новостей было устье той самой безымянной реки. Под предлогом стирки белья или купания женщины собирались здесь, чтобы всласть пообщаться и обменяться этими новостями. Новость о том, что Нью Юньван по прозвищу «Два Пинка» влюбился в Албанию, распространилась тоже отсюда.

21

Достойный плод смешанного брака, Гэ Сюсю, в которой текла русская кровь, люди звали Албанией. Ее золотые волосы, высокая грудь, вытянутая стройная фигурка и яркие черты лица были причиной, по которой все женщины Хулучжэня единодушно считали ее крайне уродливой. Эта оценка

сказывалась даже на эстетическом восприятии мужчин, и поэтому никто из молодых парней не хотел взять ее в жены. Албания стала известной всему городку старой девой: ей было уже двадцать пять, а она до сих пор не вышла замуж.

Ню Юньван сидел дома, маясь от безделья, поэтому решил заняться рисованием за закрытыми дверями. Он еще со средних классов интересовался живописью и, хотя в университете учился не по специальности «Изящные искусства», всегда увлекался рисованием. Когда он не был сильно занят уроками, он доставал карандаш с бумагой и принимался рисовать.

Однажды Ню Цзогуань тихонько прокрался к сыну в комнату, чтобы посмотреть, что же он там рисует целыми днями за закрытыми дверями. Кто бы мог подумать, что взгляду старика предстанут полотна с обнаженными иностранками. Изображение женских фигур, которые тщательно рисовал Ню Юньван, по мнению его отца, было непростительно непристойным поведением. Старик Ню вышел из себя, порвал нарисованных сыном «потаскушек» в клочки, схватил кочергу, которой обычно ворошил дрова, и замахнулся ей на сына. Ню Юньван испугано отпрянул к окну, вылез в него и бросился наутек. А Ню Цзогуань бросился следом за ним на улицу и едва не попал под повозку, запряженную лошадьми, на которой ехал Чжан Министр. От злости он затопал ногами и поклялся, что перебьет сыну его собачьи ноги. Ню Юньван стоял поодаль, глядя на мечущего гром и молнии отца, и не

знал, то ли сердиться, то ли смеяться. Он сердился из-за того, что Нью Цзогуань не обладает элементарными познаниями в искусстве, но его насмешило то, что тот обещал перебить его собачьи ноги: ведь у него вообще не было собаки, откуда взяться этим собачьим ногам.

Когда стемнело, Нью Юньван предположил, что гнев его отца уже поутих, и на цыпочках вернулся домой. Нью Цзогуань завопил на сына: «Что ж ты в эту Албанию втюрился, неужто кроме нее девушек нет!» Голос его был громче коровьего мычания. Нью Юньван, услышав эти слова, обомлел, не понимая, о чем идет речь. В этот момент мимо ворот дома Нью проходила жена паралитика Ваня с ребенком на руках, которая не только всё отчетливо слышала, но и всё ясно понимала. На лице ее мелькнула улыбка, и она решила на следующий день сходить к устью реки постирать белье, а заодно посплетничать с бабами о том, что Нью Юньван влюбился в Албанию.

22

Группа «Драчунов», представленная Сунь Чжишу, утратила поддержку со стороны горожан, а вслед за этим закончился и силовой этап революции. Однако политическое движение продолжалось, просто в его форме произошли изменения.

В клубе никогда не прекращалась творческая деятель-

ность. Номера, которые сам ставил и сам исполнял маоистский культурно-агитационный отряд, неизменно отличались большой привлекательностью, и как только у мужчин и женщин, стариков и детей городка выдавалась свободная минутка, они любили столпиться в клубе и смотреть на выступление творческой бригады.

Ань Гоминь (по прозвищу Гоминьдан), который играл в агитбригаде на аккордеоне, страдал сильной близорукостью. Во время чтения он подносил газету к самому кончику носа, и тот, кто не знал, в чем тут дело, мог подумать, что он к чему-то принюхивается. Чтобы выступать на сцене с аккордеоном, он должен был знать все ноты наизусть. Однажды он забыл ноты и решил опустить голову и посмотреть на пюпитр, но в результате, так и не рассмотрев ноты, уткнулся в него носом и перевернул.

Ань Гоминь был из тех людей, которые крайне интересовались информацией из тайных источников и важными государственными делами. Он частенько собирался по ночам со своими закадычными друзьями и делился с ними новостями, которые в корне отличались от новостей по радио и из газет.

Старик Мо отлично разбирался в положении дел в государственных руководящих кругах и снабжал свои домыслы популярными разъяснениями. Он сравнивал поступки некоторых горожан с деятельностью крупных фигур, о которых часто упоминали по радио и в газетах, и высказывал свое

собственное мнение. Говорил он красочно и убедительно, не давая слушателям шанса в чем-либо усомниться.

Неизвестно почему, но в кругу друзей Ань Гомина появился доносчик. Полиция заковала Ань Гомина в наручники и отправила в город. На допросе он во всём сознался: оказывается, Ань Гоминь самостоятельно собрал полупроводниковый приемник и частенько, борясь с помехами, в одиночестве, в темном углу под покровом ночи с неустановленными намерениями слушал вражеские сигналы.

Этот радиоприемник еще при аресте изъяли как трофей, и он стал неопровержимым доказательством преступления Ань Гомина.

Ань Гоминь стал в городке вторым после И Ши официально арестованным «действующим контрреволюционером», то есть политическим преступником.

23

Весть о том, что Ню Юньван по прозвищу «Два Пинка» влюбился в Албанию, вскоре облетела весь городок. Ню Юньван сам по себе, будучи студентом, был достаточно известен. А Албания и вовсе была объектом горячих споров всего населения: ее уродство заставляло скрипеть зубами от злости множество женщин. Ну а обсуждение и распространение сплетен одновременно и о Ню Юньване, и об Албании имело особую ценность.

В то время как женщины, стирающие в устье реки одежду, раздули сплетни о Нью Юньване и Албании настолько, что их роман уже вышел далеко за рамки женитьбы, сами участники этих событий еще не были друг с другом знакомы.

Нью Юньван был моложе Албании на три года, он еще в старших классах средней школы уехал учиться в город, поэтому не имел об Албании никакого представления. И Албания о Нью Юньване тоже практически ничего не знала.

Нью Цзогуань решил, что обнаженная иностранка на картинах его сына – это Албания. По его мнению, в мире существовала только одна некрасивая женщина, а именно та, что была на картинах сына – крайне уродливая Албания.

Ошибочное суждение старика Нью и стало основанием для сплетен женщин в устье реки. Когда Нью Юньван понял все обстоятельства дела, он не знал, смеяться ему или плакать.

Нью Юньван опасался, как бы набирающие обороты криво-толчки не навредили ни в чем не повинной Албании, поэтому решил лично сходить к своей незнакомой «возлюбленной» и всё ей объяснить, чтобы не дошло до еще бóльших недо-разумений.

Албанию распространившиеся в последнее время сплетни не удивляли, ведь она с детства жила в городке, который питался и развлекался слухами. Если бы женщины городка утратили возможность судачить и сплетничать о том о сем, о мелочах жизни, о мужских и женских грехах, то они лишились бы всякой радости в жизни. Ведь бóльшую часть вре-

мени их существования занимали мужнины побои, чередующиеся с перемыванием чьих-нибудь косточек.

Албания великодушно приняла явившегося к ней с извинениями Нью Юньвана – героя амурных сплетен. На участие Нью Юньвана она растроганно ответила снисходительной улыбкой. А стоящий в тот момент перед ней Нью Юньван испытал внезапно внутри себя необычное чувство. По мнению Нью Юньвана, Албания была невероятно красива, она была редкостной в мире красавицей. После этого их неловкого свидания Нью Юньван несколько дней подряд не мог спокойно спать: Албания произвела на него неизгладимое впечатление. Он поклялся самому себе, что обязательно возьмет ее в жены.

Нью Юньван был в душе даже благодарен отцу за его ошибку, а сплетницам – за их небылицы. Так иногда неправда вдруг становится правдой.

24

То, что Ань Гомина осудили за «тайное прослушивание вражеских радиостанций», не вызвало предполагаемого потрясения. Крестьяне городка, горячо интересовавшиеся политикой, продолжали частным образом распространять сенсационную информацию из тайных источников.

Одна из таких надежных новостей – о том, что вот-вот разразится мировая война – в качестве большого секрета об-

летела весь городок. В каждом дворе приняли конкретные меры по воплощению в жизнь высочайших директив – о подготовке к войне и сборе запасов продовольствия на случай голода.

В результате многократно проведенного анализа, которому предавались под тусклым светом лампы несколько «непрофессиональных политиков» городка, удалось точно определить время, в которое разразится война, а также регионы и цели, по которым вражеское государство в первую очередь нанесет удар.

Эти «политики» с полной уверенностью утверждали, что Америка, Япония и СССР одновременно откроют огонь по Китаю с моря, и первым под ударом окажется городок Хулучжэнь. А один из них на основании своих познаний в военном деле определил, что первая бомба попадет точнехонько на вершину горы Хоушань (Тайшань). Раз это господствующая высота Хулучжэня, то ее захват имеет крайне важное стратегическое значение.

Семьдесят лет назад, во время русско-японской войны, рядом с городком уже разворачивалась ожесточенная битва – на горе Хоушань до сих пор можно было отыскать оставшиеся с той поры осколки артиллерийских снарядов. Поэтому, как показывает история, чтобы напасть на Китай, Америке, Японии и СССР прежде всего нужно было захватить этот маленький городок.

На основании вышеприведенных результатов анализа и их

оценки, эти политики тут же начали копать у себя в домах или во дворах подземные ходы. Другие дворы подхватили эту акцию, и в итоге в нее оказалось вовлечено всё население городка. В каждой семье и стар и млад, и мужчины и женщины от зари и до зари копали без остановки. Хулучжэнь за одну ночь превратился в большую стройку.

Еще одно сообщение тайных источников оповещало о том, что вражеские военные корабли уже вышли в море и подошли к городку на расстояние менее двадцати морских миль. Кто-то тотчас же представил этому доказательства, сообщив, что вчера в соседней деревне одна баба копала у моря моллюсков и ее избил японский солдат. Чем дальше все это слушали, тем больше боялись и уже хотели разом вырыть траншею глубиной в сто метров. Позабыв о еде и питье, они изо всех сил копали вглубь до тех пор, пока не докопали до подземного ручья.

Семью Нью Цзогуаня будто бы вовсе не ужасала перспектива мировой войны, которая вот-вот должна была разразиться. С тех пор как Нью Юньван увидел Албанию, он полностью погрузился в мир любовных грез. Жена паралитика Ваня уговаривала его поскорее вырыть себе укрытие, но он говорил:

– Чего бояться? Когда явятся японские черти, я буду с ними драться насмерть.

Жена паралитика Ваня возмущалась хвастливостью Нью Юньвана:

– Ишь, с японскими солдатами он драться собрался! Фи, я думаю, он у себя подземный ход не роет, потому что хочет, когда японцы придут, предательски перейти на их сторону. Форму, которую старик Нью в молодости носил, ему выдали японцы. А еще он умеет говорить по-японски «здравствуйте», а звучит это очень противно.

25

Поначалу Нью Юньван хотел обратиться за помощью к свахе, чтобы та сосватала ему Албанию. По регламенту, установленному старшими поколениями городка, посредничество было обязательной процедурой для заведения любовных отношений. Если при заключении брака сваха отсутствовала, то брак не считался законным. Однако никто не хотел по доброй воле исполнить для Нью Юньвана роль посредника, хотя и была возможность в качестве благодарности получить целую свинью. А всё потому, что, хоть Албания родилась и выросла в Хулучжэне, горожане всё равно не считали ее себе ровней. Ее волосы, цвет кожи, лицо и телосложение, значительно отличающие ее от прочих, были для горожан подтверждением непристойности ее поведения. Мать Албании умерла три года назад, но до самой смерти она так и не смогла избавиться от дурной славы «потаскухи».

Нью Юньван, как-никак, два года учился в Пекине в университете, он был одним из редких в городке людей, обладав-

ших большим кругозором. Поэтому, столкнувшись с невозможностью найти сваху, он набрался храбрости действовать самостоятельно. Он написал Албании письмо и лично отдал его ей в руки. Албания кисло улыбнулась, что означало отказ. В душе Нью Юньвана давно уже бушевало пламя, и поэтому отказ Албании не только не охладил его, а напротив, оказал на любовь Нью Юньвана такое же действие, как масло, подлитое в огонь.

Он не только написал своей избраннице письмо, но еще и сочинил для нее сто с лишним стихотворений. Такой способ добиваться любви в захолустном городке Хулучжэне мог считаться беспрецедентным новшеством.

Нью Юньван практически каждый вечер слонялся вдоль ограды двора Албании. Допев песню «Уральская рябинушка», он принимался за советские песни «Тройка» и «Подмосковные вечера». Албания казалась ему чувственной и романтичной русской девушкой.

В конце концов его песни тронули Албанию. Однажды ночью она отворила ворота и вылила на пребывавшего вне себя от радости Нью Юньвана целую кастрюлю рассола.

26

Мировая война, вопреки ожиданиям, так и не разразилась в городке, и предсказатели с их торжественными клятвами переключились на другие прорицания конца Хулучжэня. Те-

перь они утверждали, что сначала городок накроет цунами, а потом его уничтожит землетрясение.

Кукуруза, гаолян, тыква еще не успели полностью созреть, а люди уже принялись собирать урожай. Осенью того года крестьяне из городка работали даже ночами, при свете фонарей, всеми силами стремясь собрать урожай, способный спасти их от голода, до того, как городок накроет огромная волна цунами высотой в десять метров. Гора Хоушань была самой высокой в Хулучжэне точкой над уровнем моря, и многие горожане поместили на ее вершине свой скарб, провиант, скот и стариков.

Паралитик Вань не мог передвигаться самостоятельно, поэтому в случае цунами его ждала бы неминуемая смерть. Его жена обратилась ко второму брату И, И Баю, третьему – И Цяню, четвертому – И Ваню и младшему – И И, и те еще загодя подняли его на гору, уложив на двери.

Всю осень на море царили тишь да гладь. Жители городка так и не дождались столь пугавшего их цунами. Когда с неба посыпался первый снег, прятавшиеся на горе люди спустились вниз. Они сочли, что цунами уже не случится, потому что зимой море сковывает лед.

Паралитику Ваню так и не довелось больше вернуться домой. В тот день, когда он спускался с горы, сын (его называли Вань Жэньтэн) впервые крикнул «Папа!», и он, испытывая смешанные чувства, так разволновался, что свалился с поднятой вверх двери и покатился кубарем под откос, упав

в конце концов в земляной колодец глубиной более десяти с лишним метров – заброшенную траншею.

У жены паралитика Ваня не было возможности устроить погребальную церемонию, поэтому она попросила братьев И закопать его в этой траншее, которая таким образом стала паралитику Ваню могилой. Поэтому односельчане говорили, что в Хулучжэне одному только паралитику Ваню суждено увидеть загробный мир: ведь он похоронен глубже всех.

Цунами так и не пришло, но слухи о землетрясении не прекратились. Спустившиеся с горы люди всё же не решались спать у себя в домах. Во всех дворах, а также прямо посреди улиц, на огородах возводили простенькие навесы, в которых жили и в дневное, и в ночное время.

Той холодной зимой, когда в любой момент могло произойти землетрясение, пыл Нью Юньвана наконец-то растопил лед в сердце Албании.

27

Когда Нью Юньван с ног до головы был облит грязным, воюющим рассолом, он ворвался к Албании в дом и свирепо залепил ей звонкую пощечину. Албания, сжав руками пылающее лицо, разрыдалась. Она вцепилась в собиравшегося уходить Нью Юньвана и согласилась вый ти за него замуж. По мнению Албании, ни любовные письма, ни романтические стихи, ни берущие за душу песни не могли сравниться по си-

ле с этой пощечиной. Не ударив женщину, мужчина Хулучжня не мог рассчитывать на ее расположение. Албания велела Ню Юньвану снять промокшую насквозь одежду и взялась стирать ее, утирая слезы. Той ночью Ню Юньван не вернулся домой: только с рассветом он надел высохшую на печи у Албании одежду.

Ню Юньван возвел для Албании временное убежище рядом с шалашом семьи Ню. Пикантные подробности отношений Ню Юньвана и Албании теперь стали известны всем. Как бы Ню Цзогуань ни охал и ни ахал, он не мог ничего придумать. Сын вырос и уже не подчинялся отцу, к тому же темное пятно на прошлом Ню Цзогуаня – а именно то, что при правительстве японских марионеток он был почтальоном в форменной одежде, – несомненно, оказало негативное влияние на брачные перспективы сына. Отец смирился: ведь для ребенка с таким происхождением в принципе найти себе хоть какую-то невесту – это уже неплохо. Старик Ню постепенно примирился с действительностью.

Городское бабье тоже сочло, что этот брак вполне закономерен. То, что спелись сын негодяя и дочь потаскухи, подтвердило справедливость старой поговорки: «Рыбак рыбака видит издалека». Мужчины говорили, что Албании вообще не следовало выходить замуж, ну а если уж и выходить, то только за такого никчемного человека, как Ню Юньван. Ню Юньвана эти ядовитые слова совершенно не трогали. Про себя он думал: «Да вам, жабам, никогда не заполучить такую

Ню Цзогуаню не удалось пережить ту зиму. Температура в шалаше была слишком низкой, она никогда не поднималась выше нуля. Однажды утром Ню Юньван позвал отца завтракать, но, сколько бы он ни кричал, никто не отзывался. Он толкнул отца рукой и обнаружил, что тот уже окоченел. Присмотревшись внимательнее, он заметил, что у того уж и бо-рода покрылась льдом.

Ню Юньван хотел одеть старика в подходящее погребальное одеяние, перерыл весь дом, но так и не нашел ничего без прорех. В конце концов он отыскал ту форменную одежду, которую отец носил в бытность почтальоном, и надел ее на отца. Вдруг ему показалось, что эта форма действительно очень необычна и выглядит крайне респектабельно.

Проводив отца в последний путь, Ню Юньван слегка убрался в оставшемся от старика трехкомнатном доме с дырявой черепичной крышей и наклеил на стены свои картины.

Когда пришла весенняя пора, уполномоченные высокопоставленные лица развенчали лживые сплетни об угрозе землетрясения. Ню Юньван и Албания сыграли свадьбу.

Прошел еще один месяц, и в городок прибыл целый грузовой поезд молодых парней и девушек. Ню Юньван знал, что это — образованная молодежь. «Образованная молодежь отправ-

ляется на работу в сельские районы, чтобы перевоспитываться крестьянами-бедняками и наименее состоятельными середняками»; «широкие просторы и большие перспективы» – в этих словах заключалась подлинная цель приезда образованной молодежи в Хулучжэнь. «Пункт образованной молодежи» учредили на западном берегу, в двух новеньких домах с черепичными крышами.

Взоры всех местных жителей были прикованы к группе приезжих горожан. Эти люди были родом из крупного города, а не из маленького уездного городка. И хотя жители Хулучжэня считали себя «городскими» и презирали жителей окрестных деревень, перед приехавшими из большого города они утрачивали этот свой неизвестно откуда взявшийся гонор. Они завидовали городским, их манило городское изобилие, но в то же время они относились к ним с ревностью и часто втихомолку посмеивались над тем, что сами они, жители Хулучжэня, называют земляной картофель бататом. Им казалось, что на самом деле горожане тоже очень «примитивны», их девушки не носят ярких нарядов и одеваются, словно вдовы или монашки – не в серый, так в черный – слишком уж простенько.

Некоторым жителям Хулучжэня образованная молодежь сразу же пришлась не по душе, и одним из таких жителей был Чудовище И. Он не мог понять, зачем каждое утро эти молодые люди встают в рядок и принимаются чистить у себя во дворе зубы, взбивая во рту белую пену. «Они что же,

говно едят, зачем надо зубы чистить?» – тихонько бормотал себе под нос Чудовище И.

29

Количество интересующихся политикой в Хулучжэне постепенно сократилось. Три крупнейших предсказания о войне, цунами и землетрясении оказались развеяны, как дым. Некоторые деятельные люди пытались отыскать новую жизненную надежду, и И Бай был представителем как раз этой группы. Он еще в детстве куда больше интересовался наукой, нежели сельскохозяйственными работами, и мечтал облететь вокруг Земли на самолете.

На самом деле он был не единственным человеком в городке, в чьей голове возникала подобная мысль. Еще когда паралитик Вань был жив, он частенько собирал из больших и маленьких деревяшек, которые откалывал столярным инструментом от обеденного стола и серванта, так называемую «модель комбайна». Паралитик Вань считал это своим уникальным, единственным в своем роде, великим изобретением и надеялся, что какой-то сведущий человек по этой модели изготовит невиданный во всём свете передовой механизм.

Страсть жителей Хулучжэня к научным изобретениям проистекала из случившегося некогда «Большого скачка». Мужчины и женщины, стар и млад со всего городка, чтобы откликнуться на романтический призыв к «Большому скач-

ку» в металлургии, самоотверженно штурмовали научные рубежи, пытаясь разработать высокопродуктивные и качественные технологии и оборудование для сталеварения. Они изобрели большие кузнечные мехи, которые могли раздвинуть только два крепких быка и рычаг тяги которых могли повернуть только четырнадцать сильных мужчин. После того как эти кузнечные мехи запустили в эксплуатацию, они раздавили по неосторожности забравшуюся в них рыжую собаку, а больше никакого эффекта не дали.

Когда его старшего брата И Ши схватили, а отца, Чудо-вище И, подвергали критике, И Бай в одиночестве прятался в боковой комнатке и воодушевленно занимался научными исследованиями. Он отказался от намерений стать пилотом и решил спроектировать способную спуститься в глубины океана подводную лодку. Он собрал коробки из оцинкованного железа, разбитые деревянные рейки, моток рваной веревки, отработанные аккумуляторы, тубики от зубной пасты и ржавые гвозди и провозился с ними два с лишним года, после чего признал провал своего замысла. Из своего провала И Бай извлек следующий урок: «Этих материалов было недостаточно, к тому же мне не хватало отвертки; в противном случае я бы уж давно спустил лодку под воду». Так он говорил своему младшему брату И И.

В городке организовали серию разных по форме просветительских мероприятий по классовому сознанию под названием «вспоминаем о минувших горестях и думаем о грядущих радостях». Эти мероприятия были ориентированы на приехавшую в сельскую местность образованную молодежь и часть городской молодежи, которая демонстрировала негативную тенденцию «не знать своего счастья» и «не ценить имеющегося». Селяне изготовили из заплесневелой мякины и гнилой зелени полусырые «пирожки на пару», обваляли их в травяной золе и раздали горожанам, которые обычно жаловались, что хлебцы из кукурузной муки застревают в горле. Их заставили сесть в круг по периметру навозной ямы, в которой производственная бригада заготавливала удобрения, и, глядя на кишашие в ней белые личинки, жевать эти полусырые и измазанные в золе «памятные пирожки» из мякины. Молодежь водили в страшное и сумрачное место – запустелую отмель за пределами городка, чтобы они насмотрелись вдоволь на усеивающие всё вокруг непогребенные кости; это была «общая могила», последнее пристанище темного народа старого общества.

Приезжие и жители городка совместно организовали выставку классового просвещения: в клубе разложили вонючую окровавленную одежду, бичи, черепа, а также виселицы,

«тигровые скамьи» и другие орудия пыток; все стены увешали агитплакатами, на которых богатые помещики и изменники-приспешники избивали простой люд. Негодяи на плакатах казались дьяволами и демонами, а в глазах слабых и беспомощных угнетаемых горел бунтарский огонь, и они крепко сжимали кулаки. Эти картины, как и большие плакаты с лозунгами «не забывайте классовую боль, крепко помните о кровной мести», вышли из-под кисти Нью Юньвана. Один за другим проводились митинги под лозунгом «помним о прежних горестях, думаем о будущих радостях». Однажды жаловавшийся на тяготы своей жизни человек заговорил о том, как голодал в три неурожайных года, и невольно разрыдался во весь голос. Присутствующих это глубоко тронуло, и место проведения митинга в тот же миг наполнилось стонами множества рыдающих.

Ведущий этого собрания тут же осознал серьезность проблемы и поспешил обратиться к старому отцу Сунь Чжишу, чтобы тот вышел на сцену и спас положение. А старик оказался удальцом. Он поднялся на сцену и смог парой фраз переменить всеобщее настроение: «А сегодня я пью отварной рис и ем вино: долой Америку!», после чего молодежато сошел со сцены. Народ перестал плакать, внезапно разразившись дружным хохотом.

И Бай отказался от плана смастерить подводную лодку и теперь целыми днями проводил время с образованной молодежью на их «станции». За несколько месяцев такой жизни он не научился ничему путному, зато перенял у горожан городскую манеру речи. А его домашним, в особенности Чудовищу И, всё меньше был по нраву этот непутевый сын, который, еще не покинув родного города, уже отказался от родного говора.

Нарочитая шепелявость И Бая вызывала неудовольствие у многих жителей городка. Их уши были совершенно непривычны к этим чудаковатым интонациям, а в исполнении второго сына семьи И, родившегося и выросшего в Хулучжэне, столь странные звуки резали слух настолько, что по коже бежали мурашки. На деле-то всем было невдомек, что за тайна за этим стояла. И Бай влюбился: он полюбил представительницу городской образованной молодежи – Бай Вэйхун. С влюбленными парнями часто происходят странные перемены, и изменения в И Бае проявились в этом «акценте».

Помимо акцента он обнаружил еще кое-что общее, что связывало его и Бай Вэйхун, – чтение. Они всё больше сближались во всём – от содержания бесед до акцента, и в итоге у них сформировался единый язык общения. И Баю нравилась Бай Вэйхун, нравилась до смерти. Он то и дело за-

бегал на станцию образованной молодежи, вроде как к тамошним парням, но на самом деле – чтобы тайком приблизиться к Бай Вэйхун. Он брал у нее на время книги, начиная с запрещенной «Дамы с камелиями», обернутой в обложку «Избранных произведений Мао Цзэдуна», и заканчивая рукописной копией «Пары расшитых туфельек». Вот так, возвращая одну книгу и беря следующую, он общался с ней некоторое время. Она даже подарила ему свой драгоценный блокнот в пластиковой обложке, в который переписывала афоризмы о любви. И Бай, опьяненный размывающей границы реальности любовной стихией, зазубрил афоризмы о любви из подаренного Бай Вэйхун блокнота наизусть. Однажды вечером, когда на небе светил ясный месяц, И Бай не смог совладать с внезапно охватившим душу порывом и невольно пришел к тем двум знакомым домам с черепичными крышами – станции образованной молодежи – в надежде на чудо случайной встречи. И чудо действительно произошло. Стройная, изящная фигурка Бай Вэйхун виднелась под большим деревом неподалеку. Сердце И Бая бешено забилося, и он ринулся прямо к ней. Рядом с Бай Вэйхун, прислонясь к дереву, стоял еще один человек, в военной форме. Бай Вэйхун представила их друг другу, сказав И Баю, лицо которого при этом искажилось от изумления, такие слова: «Это мой жених, он возвращался из командировки и по пути заехал повидать меня». И Бай едва не потерял сознание. С того вечера его говор вновь стал таким же, как у всех жите-

32

После того как в городке завершилось движение «вспоминаем о прежних горестях, думаем о будущих радостях», в моду вошли соревнования поэтов. Старческие руки, которые были привычны к лопатам и навозным вилам, взялись за перо, и все крестьяне городка, от мала до велика, превратились в поэтов. Хотя в Хулучжэне было много дураков, но оказалось, что и дураки умеют соблюдать ритм и рифму. Например:

Кадры здесь воруют! Бухгалтера – гребут,
Массы же народные суму большую шьют.
Деревня – на деревню, а двор глядит на двор,
На кадры масс народных упал тяжелый взор.

Или:

На работе бьют баклуши, от поноса пуст живот.
Продрищусь четыре раза, и – конец дневных работ.

Случались и стихотворения, содержащие глубокий философский смысл. Вот, например:

Хорошо, коль живы и отец, и мать!

Но самим нам надо, братцы, выживать.

Или:

Как супруги ни были б дружны,
Могут быть судьбой разлучены.

Таких рифмованных народных поговорок и пословиц в городке было много, они и стали литературной основой для широко развернувшихся поэтических баталей. А призывы вышестоящих инстанций к мобилизации и политика поощрения, предполагавшая обмен стихотворений на трудодни, пробудила в жителях городка творческий пыл и дала толчок их небывалому вдохновению. Поэтические соревнования проводили во всех селах и деревнях; говорили, что на знаменитой родине поэзии, в Сяоцзиньчжуане, повсюду – поэтические арены, а каждый человек – поэт. Во время официальных соревнований явно был выражен политический, революционный характер декламируемых стихотворений, например:

Мы, крестьяне, как топнем ногой –
Нас убоится монстр любой!
Эй, крестьяне, ударим-ка все разом –
Империализм накроем медным тазом.

Или:

Хулучжэнцы решительны и не падают духом.
Имперьялизму врежем, и он – рухнет.

Поэтические соревнования проводились каждый день, и горожане так наострились писать стихи, что даже в обычной жизни говорили в рифму. Утром, при встрече, один приветствовал другого так:

Ни свет ни заря! Старина Цао!
Куда ты так рано, Старина Цао?

А другой отвечал:

Сейчас не до шуток, друг Гао!
Сынок мой болеет, друг Гао!
Спешу я в Цяньцзе – в этом пункте
Дадут мне лекарство в медпункте.

А командир производственной бригады, раздавая членам бригады работу, так и сыпал прибаутками:

Чудовище И, а Чудовище И!
Бери сыновей – борозду попаши!
Если сегодня не справишься,
Завтра туда же отправишься.

И Бай перестал бегать на станцию образованной молодежи на западный берег: Бай Вэйхун нанесла колоссальный удар по его чувствам, да и в моральном отношении он тоже испытал потрясение. Он пребывал в бреду, не понимая, когда день, а когда – ночь, тихонько бормоча себе что-то под нос, и лишь спустя два с лишним месяца постепенно пошел на поправку.

Чудовище И волновался и сердился, опасаясь, как бы его второго сына не постигла судьба старшего – И Ши. Он повсюду тайком выведывал, нет ли где предсказывающих судьбу и усмиряющих духов, способных отвести беду, и являлся под покровом ночи и к замужним женщинам, и к вдовам. На деньги, которые он наскребал по сусекам, он покупал им по килограмму печенья да по паре банок фруктовых консервов и украдкой молил о помощи всяческих знахарок. В те годы такого рода суеверия были строго запрещены, так что Чудовище И, ища способы излечить сына, рисковал повторно нарваться на критический разбор и распрощаться с жизнью.

Одна знахарка, богиня-удав, сказала ему: «На обратном пути пройди десять верст на юго-восток, как наткнешься на рытвину, остановись, отбей вперед три поклона, потом сожги несколько бумажек, и сын твой очнется». Чудовище И поспешно прошагал десять верст на юго-восток, там дей-

ствительно нашлась рытвина, в которой какая-то семья заготавливала себе компост. Но он, нисколько не смутившись, запрыгнул прямо в выгребную яму, отвесил три поклона и сжег бумажки, провоняв с ног до головы. Другая, лиса-оборотень, сказала: «У тебя дома чан не на том месте стоит, возвращайся да передвинь его». Чудовище И всю ночь напролет, пыхтя и кряхтя, передвигал чан, в результате по неосторожности разбил его и растянул себе поясницу; пришлось ему, ворча, пролежать на печи десять с лишним дней, прежде чем он вновь смог встать на ноги. А еще одна, богиня-заяц, сказала: «У тебя в свинарнике один камень в оградке не на том месте лежит, надо бы переставить». Чудовище И, не дожидаясь, когда заживет поясница, взялся сносить оградку свинарника, в результате чего купленный несколько дней назад поросенок сбежал, а упавший с оградки камень свалился ему прямо на стопу, да так, что от боли он переменялся в лице и отчаянно закричал. Когда Чудовище И, прихрамывая, заново возвел оградку вокруг свинарника, душевное самочувствие И Бая заметно улучшилось. В глубине души старик И еще сильнее уверовал в магическую силу этих знахарок. Он вновь купил несколько цзиней⁹ печенья и отправился поблагодарить этих великих богинь, которые спасли И Бая в минуту крайней опасности. И Бай и не подозревал о чудесных методах лечения, к которым прибегнул его отец.

⁹ Цзинь – традиционная китайская мера веса, примерно равная 500 граммам (прим. ред.).

Ему лишь казалось, что на сердце лежит тяжелый камень, и это продолжалось до тех пор, пока он однажды во сне не пукнул, проснувшись при этом от испуга. После этого он почувствовал себя намного лучше, и камень с его сердца упал.

34

Еще одним изысканным развлечением, которое интересовало хулучжэнцев даже больше, чем поэтические соревнования, был просмотр и участие в выступлениях, которые часто организовывала творческая агитбригада, сформированная из прежней театральной труппы. За счет участия городской образованной молодежи произошли перемены в составе музыкальных инструментов оркестра агитбригады. На сцене начали появляться скрипка, виолончель, саксофон и другие иностранные штуковины. Благодаря этому удалось повысить уровень «военного оркестра», в котором упор делался на эрху, юэцинь и аккордеон, а для аккомпанемента использовались зурна и барабаны. Несмотря на то, что члены творческой агитбригады не были профессионалами, их часто привлекали к участию в различных художественных фестивалях уезда. Под предлогом репетиций они могли быть освобождены от таких тяжелых работ, как террасирование полей и капитальное строительство на селе. За репетиции и выступления артистам точно так же засчитывали трудодни и в полном объеме выдавали пайки; к тому же они мог-

ли одеваться в более красивую, более диковинную одежду, нежели обычные крестьяне из городка. Эти многочисленные привилегии привлекали толпы юношей и девушек городка. Они наперебой, пустив в ход все средства, просили мастеров взять их в ученики, чтобы получить возможность втиснуться в агитбригаду. Поэтому в Хулучжэне, известном своими музыкальными традициями, началась новая мода на пение и музицирование.

И Цянь и И Вань тоже не захотели оставаться в тени и начали уламывать своего отца, Чудовище И, чтобы тот позволил им обучиться игре на музыкальных инструментах. Семья И была очень бедной, такие заморские инструменты, как скрипка и труба, были им не по карману. В итоге И Цянь научился играть на губной гармошке, а И Вань – на флейте. Одновременно с двумя братьями музыкальной науке учились в городе еще три – четыре десятка человек; среди них были восемь – девять девочек, которые учились танцам у представительницы образованной молодежи в агитбригаде – Бай Вэйхун.

Вдруг в городке «все пустились в пение и пляс, повсюду зажурчали бурные ручьи». В доме культуры, под большими деревьями, на обеих сторонах излучины реки, в крестьянских дворах звучали музыка и песни, царили радость и веселье. Вечерами звуки трубы, флейты, циня, мужские и женские голоса, собачий лай и куриное кудахтанье, супружеская брань и детский плач сливались воедино: они то затихали,

то вспыхивали вновь, создавая уникальную симфонию сельской ночи в Хулучжэне.

35

На второй год после женитьбы у Ню Юньвана и Албании родились двойняшки, да еще и разнополые – мальчик и девочка. Стирающие в излучине реки одежду женщины снова принялись хаять Албанию. Они пустили слух, будто Албания всё больше становится похожа на нечистый дух: ведь она умудрилась сразу «двух щенков нагулять». От курицы, которая несет яйца с двумя желтками, добра не жди, она может навлечь на человека беду, о чем жителям городка было известно издревле. Если курица снесла яйцо с двумя желтками – это недобрый знак, и если женщина родила двойню, это тоже не предвещает ничего хорошего. Люди слепо верили в то, что должно случиться какое-то несчастье, и, конечно, произойти оно должно было именно с непосредственным виновником события – Албанией.

Часто в нашей жизни желания расходятся с действительностью. Весть о том, что Ню Юньвана приняли на работу на уездной радиостанции, жители городка восприняли очень радостно, ведь деревенские жители только мечтать могут о том, чтобы попасть на работу в город!

Кучковавшиеся в излучине реки женщины негодовали: они не верили, что для «курицы, снесшей яйцо с двумя желт-

ками», всё закончится хорошо. Сговорившись, они стали повсеместно распространять лживые слухи о том, что Нью Юньван якобы закрутил в городке с одной дикторшей интрижку. Они разнесли эту весть во все стороны, да еще и приплели к этому, что якобы кто-то из городка ездил в большой город и там своими глазами видел, как Нью Юньван гуляет под ручку с этой женщиной.

Албании, которая осталась дома одна, приходилось и приглядывать за двумя детьми, и работать на земле. Сплетни о том, что ее муж завел интрижку на стороне, так взволновали ее, что она не находила себе места и не знала покоя. Каждый раз, когда из рупора раздавался слащавый голосок дикторши, работавшей на уездном радио, Албания была эмоционально так взбудоражена, что частенько принималась бить чашки и тарелки и даже избивать до жалобного плача детей.

Два месяца спустя, когда вся кухонная утварь в доме уже была перебита без остатка, Нью Юньван решил навестить родных и приехал домой. Албания ни в какую не соглашалась отпустить его обратно в город. Как бы жалобно Нью Юньван ее ни уговаривал, она не желала пойти ему навстречу. Она пригрозила, что, если он опять поедет в город, она утопит обоих детей в колодце. При этом Албания остервенело уставилась на своего мужа, и взгляд ее исполнился ужасающей свирепости. Нью Юньван уступил, и Албания посадила его под домашний арест. Так разрушилась мечта Нью Юньвана о том, чтобы стать жителем большого города. Ко-

гда впоследствии он узнал о коварной клевете женщин, толпящихся в устье реки, то от злости аж подпрыгнул. Вечером того же дня он спросил у Албании, красив ли голос у дикторши уездного радио. Жена ответила:

– Голос у нее слащавый, сразу понятно, что она – профессиональная соблазнительница.

Ню Юньван вперился остолбенелым взглядом в Албанию и отчетливо произнес:

– Эта дикторша – паралитик, она ведет эфир, сидя в инвалидном кресле.

36

Сын И Ши, единственный внук рода И – Вань Жэньтэн – потихоньку подрастал, слушая в объятиях матери местные народные байки (в основном это были истории о чудовищах). К своим шести – семи годам он уже мог бегло пересказывать своим друзьям интересные истории, которые услышал от своей матери, и даже приукрашивать их. Больше всего малыш Вань Жэньтэн любил историю под названием «Ароматный пердеж». Это была классика: байку очень хорошо знали несколько поколений жителей Хулучжэня. Вань Жэньтэн часто пересказывал ее своим товарищам.

«Жили-были два брата, мать и отец их рано умерли, старший брат был дураком, а младший – очень сообразительным. Старшему брату не удалось найти невесту, а младший же-

нился. Жена младшего брата презирала дурака, заставляла его больше работать и кормила объедками. Сколько бы работы ни сделал глупый старший брат, жена младшего всё равно была недовольна, и в конце концов выгнала его жить в кладовку. Однажды дурак сплел корзину и повесил ее под карнизом, приговаривая: “Прилетит с востока птичка, снесет яичко, прилетит с запада птичка, снесет яичко”. В корзину то и дело прилетали птицы, и вскоре она наполнилась яйцами. Глупый старший брат сварил себе целый котел яиц и стал есть их вместо риса. Когда жена младшего это увидела, ее стала грызть зависть, и она, наступив на горло своей гордости, попросила того дать ей на время эту “волшебную корзинку”. Старший брат одолжил ей корзинку, она поспешно повесила ее у себя под карнизом и с нетерпением крикнула: “Прилетит с востока птичка, снесет яичко, прилетит с запада птичка, снесет яичко”. Тут же налетели птицы и принялись наперебой гадить ей на голову. Выйдя из себя, жена младшего брата разорвала корзинку на прутья и сожгла ее в печи. Когда глупый старший брат закончил работу на горе и вернулся домой, он попросил жену младшего брата вернуть ему корзинку, но она ответила: “Я ее разорвала”. Старший брат спросил: “А куда ты дела прутья?” Она сказала: “В печь засунула и сожгла”. Глупый старший брат, проливая слезы, полез в печь искать корзинку, но она уже давно сгорела. Тогда он взял палку, начал тщательно ворошить кучку пепла и, наконец, обнаружил в ней соевый боб. Глупый старший

брат съел боб и вскоре почувствовал, что пускает газы. Он принялся: “Как приятно пахнет!” Он слышал, что люди пердят вонюче, и не думал, что пердеж может быть таким ароматным. Тогда дурак начал повсюду пускать газы, аромат которых действительно зачаровывал. Не было отбоя от богачей, которые приходили к нему, умоляя пернуть, и за большие деньги приглашали дурака в свои роскошные хоромы, чтобы тот пускал ароматные газы в светелках девиц, спальнях барынь, платяных шкафах и комодах. Оказывая такие услуги, дурак разбогател.

Когда жена младшего брата об этом узнала, она чуть не лопнула от зависти. Она попросила старшего брата научить ее, как разбогатеть. Дурак подробно поведал ей о секрете своего успеха. “Чего же в этом сложного?” – по думали младший брат с женой. Раз уж одним соевым бобом можно столько денег заработать, то мы нажарим целый котел бобов и набьем ими животы, а потом запьем холодной водой и тогда уж обретем большое богатство. Так и поступили эти супруги-сребролюбцы. Муж наелся, напился и давай зазывать клиентов с улиц: “Пускаю ароматные газы! Если хотите понюхать в своем доме ароматный пердеж, приглашайте меня!” Сразу же набежали люди и начали наперехват тащить его к себе домой. Потом подъехал один чиновник и, не говоря лишних слов, отнес его на паланкине к себе домой, закрыл в платяном шкафу и велел ему попердеть от души, а уж после он его наградит. В животе у младшего брата уже давно бу-

шевала буря, он поднатужился и выдавил из себя всё, на что был способен, в результате чего комнату наполнила отвратительная вонь. Хозяин ужасно разозлился, навалял ему тумаков, а потом приказал слугам заткнуть деревянной пробкой его “выхлопное отверстие”...»

Вань Жэньтэн рассказывал эту историю всё бойчее и бойчее и так смешил взрослых и детей городка, что они хохотали, держась за животы.

37

Когда образованная молодежь с западного берега начала возвращаться в большой город, постепенно стало очевидным значительное сокращение количества кур, уток, гусей и собак в Хулучжэне. Это городская молодежь, которая обладала большими знаниями, нежели селяне, в процессе перевоспитания крестьянами-бедняками и наименее состоятельными середняками освоила многие навыки выживания. Они привезли в Хулучжэнь научные знания, искусство, научили жителей пользоваться тайными источниками информации, привили им хороший вкус (в основном речь идет о манере одеваться и подбирать аксессуары), а также полезные навыки гигиены, среди которых стоит особо отметить привычку чистить зубы. Однако в то же время они частично переняли у горожан местные варварские обычаи, невежественные суеверия, бережливость, трудолюбие, скупость и алчность –

одним словом, они воровали местных кур, уток, гусей и собак. Когда сносили центр образованной молодежи, жители городка обнаружили в погребах под теми двумя домами с черепичными крышами (ранее они служили укрытиями на случай войны) шкуры и кости кур, уток, гусей, собак, свиней, баранов, ослов и другой домашней живности и наконец-то поняли, кто это всё воровал. Они и прежде подозревали во всем образованную молодежь, но никак не могли отыскать неопровержимые доказательства. Теперь же всё было конечно: образованная молодежь уехала, оставив после себя пустые дома.

В городке вновь появились дурак И Ши и Ань Гоминь. Их обоих освободили досрочно. В тот день, когда И Ши вышел из тюрьмы, ему как раз исполнилось тридцать лет. В ту пору, когда возвратился И Ши, городской репродуктор целыми днями передавал модную в то время новую песню со словами: «В октябре доносятся громы, восемьсот миллионов жителей Поднебесной поднимают драгоценные кубки. Это радующее сердце вино с насыщенным вкусом прекрасно, можно выпить десятки тысяч чарок и не опьянеть». После возвращения старшего сына Чудовище И целыми днями ходил навеселе и возражал репродуктору: «Да будет хвататься! Ишь ты, “можно выпить десятки тысяч чарок и не опьянеть”! А как по мне, так тебе меня не перепить, от пяти стаканов свалишься, а еще про десятки тысяч чарок заливаешь!»

Вдова паралитика Ваня уже шесть лет блюла верность почившему мужу и замуж за другого не выходила. И Ши сидел в тюрьме уже десять лет, но всё это время душа вдовы не знала покоя. Она чувствовала немые упреки и стыд, терзалась и зачастую не смела на публике поднять голову. Возвращение И Ши принесло ей новые страдания и страхи. Вдова боялась, как бы И Ши и другие братья из семьи И не решили свести с ней счеты. Она сочувствовала И Ши, но при этом не хотела жить с таким дураком. Но Вань Жэньтэн был сыном И Ши, этот секрет все в городке знали. Она ни в коем случае не могла позволить семейству И отобрать у себя сына, ведь он был для нее единственным утешением в жизни. Вань Жэньтэн не только любил рассказывать причудливые смешные истории, но и мастерски травил анекдоты, от которых люди хохотали до упаду. Хоть ему было всего десять лет, говорил он гладко и отличался быстрой реакцией. Он сочинил множество анекдотов про то, какие глупости творил И Ши в детстве и какую ерунду тот болтал, включая и широко известную историю о том, как И Ши, считая братьев, заодно посчитал и своего отца – Чудовище И. Вернувшись домой, И Ши уже больше не слонялся где ни попадя, а каждый день поднимался спозаранку и принимался мешать раствор и лепить заготовки из глины. Всегда, кроме тех случаев, когда

он ел, спал, или на улице шел дождь, он занимался одной и той же работой.

И Бай после той памятной неудачи с Бай Вэйхун, любовные отношения с которой у него вроде бы и состоялись, а в то же время вроде бы и не состоялись, погрузился в чтение книг и девушками больше не увлекался. Он стал замкнутым и отрешенным, не интересовался ни крупными, ни мелкими событиями, происходившими в городке, и, казалось, совсем не замечал их, а к чужим радостям и восторгам часто относился с пренебрежением. Многие жители городка стали и его тоже называть Чудовищем И, говоря, что он еще более чудакватый, чем его отец. Вдова паралитика Ваня, не совладав с терзавшими ее муками совести, в конце концов всё же пришла с сыном Вань Жэньтэном к дому семьи И. Она решила выйти замуж за И Ши, чтобы отблагодарить его и компенсировать несправедливо выпавшие на его долю унижения и страдания. И Ши не обратил на нее внимания и продолжал складывать высохшие кирпичи. Поступок вдовы паралитика Ваня растрогал всех в семье И от мала до велика, и они велели И Ши проявить участие к этой женщине и ее сыну. Дурак И Ши сказал:

– Кто она такая? Как мне на ней жениться, если я с ней не знаком?

Вань Жэньтэн со слезами сказал:

– Папа, я же твой сын!

И Ши легонько погладил ребенка по голове и ответил:

– Эх ты, постреленок. У меня ведь жены нет, откуда же сыну взяться?

39

Братья И Бай, И Цянь, И Вань одновременно поступили в университет – эта новость произвела в городке эффект разорвавшейся бомбы. Ее принесли отнюдь не сплетницы, которые стирали в излучине реки одежду, а городской репродуктор, через который транслировали радиоэфир. Из города специально приехал журналист взять у Чудовища И и трех братьев интервью и сделать их фотопортрет. Фотоаппарат у него был не обычный, а с длинным-предлинным объективом. И Ши, стоявший в сторонке и смотревший на длинный объектив фотоаппарата, внезапно, словно что-то осознал, сказал журналисту:

– Да ведь это у тебя «самец»!

Семья И оказалась первой и единственной во всём Хулучжэне, кому восстановление системы единых государственных экзаменов принесло выгоду. В то время жители городка еще не осознавали, какие далеко идущие последствия это событие повлечет за собой. И Бай, И Цянь и И Вань выбрали в качестве специальностей философию, морские перевозки и ветеринарное дело; старика И несколько разочаровало то, что никто из них не захотел выучиться на бухгалтера. То, что третий и четвертый сын занялись морскими перевоз-

ками и ветеринарным делом, не вызвало у него возражений, но то, что второй сын, И Бай, выбрал философию, поставило его в тупик. Когда И Бай поступил в университет, ему было двадцать восемь лет. И Цянь и И Вань начали учиться уже после того как женились.

Сунь Чжишу по прозвищу Яичная Скорлупка благодаря каким-то своим связям пробился на службу в полицию. Сперва, когда уездная полицейская часть отправила за ним машину, горожане подумали, что полиция раскрыла дело о том, как «Драчуны» во главе с Сунь Чжишу довели учителя Цуна Большую Челюсть до «самоубийства во избежание наказания». Женщины из излучины реки сказали: «Так ему и надо! Пусть поплатится за свои злодеяния! Теперь-то Яичную Скорлупку наверняка расстреляют, ведь на его руках кровь человека!» Кто бы мог подумать, что не пройдет и нескольких дней, как Сунь Чжишу на полицейской машине вновь вернется в Хулучжэнь, да еще одетый в форму – белую рубашку, синие штаны и фуражку с козырьком. Жители городка сказали: «Опять Яичной Скорлупке черти подсобили». Его полицейская форма выглядела куда внушительнее, чем форма, которую носил Нью Цзогуань, будучи почтальоном.

40

И Цянь и И Вань отправились в город Ухань. Нью Юньван

вместе с И Баем поехал в Пекин, в университет. Ню Юньван сказал, что хочет проводить И Бая, но на самом деле он хотел вернуться в университет, где прежде учился, чтобы оформить справку о незаконченном высшем образовании. Благодаря этому документу Ню Юньвана отправили работать преподавателем в уездную среднюю школу, а его жена Албания и их близняшки вслед за ним тоже получили городскую прописку и превратились в настоящих городских жителей.

Вдова паралитика Ваня так и не сумела повторно выйт замуж, хотя то и дело наведывалась в дом семьи И, обшивая и обстирывая И Ши. Вань Жэньтэн, закончив среднюю школу, пошел служить в армию и тоже надел форму. Потом он научился исполнять сатирические диалоги и стал образцовым членом художественного ансамбля у себя в военной части. И Ши говорил о сыне, что тот «зарабатывает клоунадой».

Красные кожаные сапоги начальника производственного отряда Ван Личжэна на удивление хорошо сохранились и достались по наследству его сыну. И теперь уже его сын ходит под Новый год в этих сапогах по дворам и поздравляет всех с праздником. В глазах горожан эти сапоги были символом власти и высокого статуса, подобно императорскому парадному халату и яшмовой печати: кто их носит, тот, конечно, обладает всей полнотой власти. Поэтому на выборах старосты они проголосовали за сына Ван Личжэна. Многие жители покинули городок. Одни пошли в армию, другие по-

ступили в университеты, третьи отправились на заработки, а четвертые ездили в долговременные командировки и занимались торговлей.

Здание клуба, некогда знакового места Хулучжэня, должно существовать, но пришло в негодное состояние и нуждалось в ремонте. В городке построили несколько новых караоке-холлов, а вот количество поющих и играющих на музыкальных инструментах сократилось. А театральный коллектив творческой самодеятельности (творческая агитбригада), который вел свою деятельность полвека, уже давно бесследно сгинул. Та излучина реки, которую считали Рекой женщин, теперь круглый год стояла без воды, и ее забросали мусором. Женщины городка лишились райского места для своих встреч. Народившееся в городке молодое поколение отказалось от политического пыла своих предшественников, и традиция собираться по три – четыре человека и совместно обсуждать государственные дела ушла в прошлое. Больше никто не сидел вокруг стариков и не слушал их бредни – истории про чудовищ, а такие образцы народного творчества Хулучжэня, как история про ароматный пердеж, и вовсе оказались позабыты.

И Цянь теперь работал в компании трансокеанских перевозок. Еще не успев закончить университет, он уже развелся с женой, но вскоре образовал новую «ячейку общества»; его теперешняя жена училась с ним в одном университете. И Вань жил в городе, жена благодаря стараниям мужа тоже ста-

ла городской жительницей, и жили они неплохо. Пятый брат, И И, унаследовал отцовское дело, стал бухгалтером, воплотив в жизнь возвышенные идеалы Чудовища И. И хоть он и не носил под мышкой счета, волосы его всё равно были масляными, хотя он их точно не мазал рапсовым маслом. Старик И был еще вполне бодр и жил вместе с дураком И – своим старшим сыном И Ши. Второй сын семьи И – И Бай – доучился до докторской степени, но так и не женился. Закончив обучение, он остался преподавать в университете. Не прошло и нескольких лет, как он стал профессором. С тех пор, как И Бай поступил в университет и покинул Хулучжэнь, он так ни разу и не приезжал домой. Он говорил, что, по его мнению, Хулучжэнь – это всего лишь точка на карте, существующая только в восприятии живущих в ней. Кроме И Ши, никто не понимал его слов.

Часть вторая

1

У Хулучжэня не было истории. Или, если сказать точнее, у него не было письменно задокументированной истории. Это вовсе не означало, что былая жизнь городка походила на сплошное белое пятно. Помимо безымянных могил в каменном ущелье горы Сишань и выстроившихся в два ряда вдоль центральной улицы ветхих и убогих жилых домов, славное прошлое Хулучжэня хранили в воспоминаниях старики, а в фантазиях – молодежь.

Утратив историю, горожане жили очень вольготно. Они сосредоточились на современном положении вещей, а не влачили свое существование, задыхаясь под тяжелым бременем минувших лет. У местных не было склонности докапываться до сути вещей, и события, происходившие в далеком прошлом, их тоже совершенно не интересовали.

Проживающий в Хулучжэне простой люд в основном получал важную информацию о внешнем мире двумя путями. Первым были четыре установленных на крыше городского дома культуры (прежде его называли клубом) репродуктора, обращенные в разные стороны света. А вто рым – излучина реки, которая разделяла городок на две части и служила ме-

стом неофициальных встреч женщин городка.

Высокочастотные репродукторы, установленные на вершине дома культуры, были символом официальной пропаганды; ежедневно по расписанию они передавали разные новости, касавшиеся жизни в городке и за его пределами, в Китае и за рубежом. Многие, особенно мужчины, могли с легкостью озвучить имена некоторых иностранцев, с которыми никогда не были знакомы: например, Ли Сын Ман, Трумэн, Энвер Ходжа, Хрущев, а также король Сианук и премьер-министр Пенн Нут¹⁰. Эти имена были известны не только детям и женщинам, но и были в ходу у таких дураков, как И Ши: их употребляли так же часто, как прозвища «Собачье Отродье», «Тухлое Яйцо», «Цун Большая Челюсть».

Благодаря репродукторам жители городка крепко уверовали в то, что «обогнать Англию и Америку можно менее чем за двадцать лет», и поняли, что на том участке планеты, где они живут, «редкостные по красоте пейзажи» и замечательная обстановка – «не просто хорошая, не очень хорошая, а замечательная». Американские империалисты, советские ревизионисты и другие враги день за днем хиреют, а у них всё постепенно налаживается, и все они пляшут от радости, хотя им и невдомек даже, в каком направлении от Хулучжэня живут эти бедствующие страны. Всё равно они

¹⁰ Здесь перечислены имена политических лидеров разных государств, враждебных или дружественных Китаю: Первый президент Южной Кореи, 33-й президент США, лидер коммунистического режима в Албании, советский генеральный секретарь, король и премьер-министр Камбоджи (*прим ред.*).

искренне сочувствуют претерпевающим невыносимые страдания людям.

Чтобы «не терпеть страдания во второй раз» и «не сносить повторно муки», чтобы противостоять ревизионизму, «вечно защищать красный революционный Китай», чтобы стоять насмерть за «революционный курс Мао Цзэдуна», чтобы «быть готовыми к войне и голоду» – чтобы ответить на все призывы, раздающиеся из репродукторов, народ городка готов был отдать все свои душевные силы с переполняющим каждого энтузиазмом. Очищая ряды пролетариата, хулучжэнцы приняли участие во множестве критических собраний, присяг, мобилизационных митингов, а также разоблачили Цуна Большую Челюсть, коварно прикрывавшегося личиной учителя средних классов, Нью Цзогуаня, носившего до создания Нового Китая форму почтальона (чем заслужил прозвище Нью Униформа), Чудовище И, работавшего в городке счетоводом и мазавшего голову рапсовым маслом, начальника производственного отряда Ван Личжэна, который на каждый Новый год надевал привлекающие всеобщее внимание красные кожаные сапоги и обходил все дворы с поздравлениями, и прочих «помещиков, богачей, ревизионистов вместе с другими враждебными и правыми элементами». Они самостоятельно организовали маоистскую творческую агитбригаду, круглый год трудились и в доме культуры, и в поле, и даже голодными ходили от двора ко двору, давая представления. И революционные песни, и образ-

цовые спектакли не обошли стороной этот провинциальный городок, затерявшийся на карте Китая. То разгорающиеся, то затухающие звуки песен, смеха, плача, барабанов и лозунгов непрестанно сопровождали повседневную жизнь простого народа в Хулучжэне.

Жители городка не только «ухватились за революцию», но и «стимулировали производство». Они строили плотины, отделяя землю для сельскохозяйственных угодий от морской воды, добывали горные богатства и проводили водопровод, всю плодородную почву с зерновых полей они без остатка бросили в море и срубили все без исключения фруктовые деревья в садах, создав на их месте террасированные поля дачайского типа. А еще они, в соответствии со спущенными сверху директивами «углублять подземные ходы, увеличивать запасы продовольствия, не сдаваться гегемонии», днями и ночами без остановки рыли подземные убежища на случай авианалетов, чтобы защититься от внезапной агрессии империалистических государств... Практически вся их деятельность была связана с вещанием тех четырех больших репродукторов, установленных на крыше дома культуры.

Что же касается информации, исходящей из излуцины реки, то ее «тайно» распространяли женщины во время стирки белья. Это были досужие домыслы, содержание которых ограничивалось всякими мелочами вроде частной жизни соседей и пережевыванием косточек то одному, то другому: у одних ребенок животом мается, там мужик в окно залез, тут

женщина в потаскухи подалась, у одной девушки грудь плоская, у другой живот надулся, а у того парня в штанах затвердело, и так далее; всё, что касалось самых интимных сфер жизни, здесь открыто обсуждалось и предавалось огласке. В излучине реки каждый день толпились женщины, и она превратилась в специальный уголок, куда приходили все желающие почесать языком.

Разные данные, распространявшиеся из больших репродукторов и из женского собрания в излучине реки, переплетались между собой, превращаясь в «общественное мнение», которое стало важнейшим элементом жизни Хулучжэня на протяжении нескольких десятилетий. Независимо от того, ложными или достоверными были эти сведения, как правило, люди верили во всё, что им рассказывали. Некоторые отщепенцы пытались найти себе третий источник информации, но в результате жестоко за это поплатились – как, например, Ань Гоминь, который играл в агитотряде на баяне. Из-за того, что он тайком «слушал вражескую радиостанцию», его судили и посадили. Это было крупным политическим событием городка.

2

Пятерых сыновей старого счетовода городка – Чудовища И – звали И Ши, И Бай, И Цянь, И Вань, И И. И Бай, И Цянь и И Вань в один год поступили в университет. Второй

брат, И Бай, учился на факультете философии, университет его находился в Пекине. Третий брат, И Цянь выбрал для себя университет морского транспорта, а четвертый, И Вань, отправился в архитектурный университет в Ухань.

Было время, когда И Бай, обучаясь в университете, с головой погрузился в изучение прошлого Хулучжэня. Он просмотрел множество исторических документов, пытаясь докопаться до истоков и отыскать для городка заслуживающую гордости и уважения блестящую историю. А еще приснился ему странный сон, в котором какой-то выдающийся человек гладил его по голове и говорил, что он – потомок некоего знаменитого человека некоего рода в некоем колене. Этот сон смущал И Бая два с лишним года подряд. Он больше не верил в тот факт, что его дед, толкая тележку с навозом, упал в овраг и расшибся насмерть; в его представлении дед должен был как минимум в военном кафтане и верхом на гнедой лошади мчаться по полю битвы, размахивая шашкой. Некоторые однокурсники в университете всегда смотрели на И Бая с некоторой долей презрения, из-за чего его сердце то и дело сжималось от боли. У Хулучжэня не могло не быть истории, а там, где есть история, есть и великие люди, а у потомков великих людей есть наследственные преимущества, уверенность в общении и стимул для развития.

Но старания И Бая так и не увенчались успехом. Он просмотрел всё, начиная с «Исторических записок» Сыма Цяня и заканчивая составленной в годы республики «Истори-

ческой хроникой династии Цин», но нигде не было упоминаний о родившей и вскормившей его земле – Хулучжэне. Он был очень разочарован. Он казался себе подобранным на обочине сиротой, без рода и без племени: неизвестно ни то, откуда он взялся, ни то, куда идет.

И Бай вспоминал, как однажды в детстве его отец, Чудовище И, выгребая из свинарника навоз, обнаружил японский военный нож, что было сочтено доказательством преступления японцев, которые вторглись в Китай. Помимо этого, в городке из земли больше никогда не выкапывали ничего ценного, а изделия из камня эпохи палеолита, осколки керамики, бронзовые изделия и тому подобные вещи И Бай увидел в музее уже после того, как поступил в университет. Ни один из экспонатов музея не происходил из Хулучжэня.

Как рассказывал отец И Бая, Чудовище И, один выходец из городка был чиновником: в последние годы династии Цин он служил главой уголовного сыска в уезде. Вспоминая, с каким благоговением отец отзывался об этом служащем полиции, И Бай рассмеялся едва ли не до слез.

Примерно пятьдесят миллионов лет назад то ли засуха, то ли лютые морозы, то ли падение метеорита привело к полной гибели и без того немногочисленного населения городка – не осталось практически никаких следов чьего-либо существования. Позже И Бай точно определил, что древнее население Хулучжэня состояло в основном из иноземных переселенцев, которые, спасаясь от голода, по морю добрались до

Хулучжэня.

И Бай отказался от углубленного изучения истории городка. Он помнил, как говорил его учитель средних классов Цун (также известный как Цун Большая Челюсть): «Мой дед жил в темном старом обществе. А мои прапрадед, прапрапрадед и прапрапрапрадед жили в первобытном обществе, рабовладельческом обществе и феодальном обществе». И этого было достаточно, всё-таки Цун Большая Челюсть имел авторитет. Впрочем, в конце концов он был убит: ради развлечения его насмерть забили собственные ученики.

По сей день археологи и историки не могут предоставить убедительные доказательства, подтверждающие предположения И Бая и выводы Цуна Большой Челюсти.

В памяти И Бая хранилось смутное воспоминание о том, что в тридцати ли от городка, на горе Дахэшан, стоял храм, величественный, словно императорский дворец, и когда ему было пять – шесть лет, бабушка тайком отвела его туда помолиться. Тогда он так испугался, что написал в штанишки, и несколько ночей подряд потом видел во сне кошмары. Статуи божеств того храма повергли маленького И Бая в панику. Бабушка стояла на коленях перед статуей Будды и что-то бормотала себе под нос, будто бы прося помощи в трудном деле. И Бай тогда до ужаса перепугался: маленькими ручонками он изо всех сил вцепился в бабушкин подол, его ноги всё время тряслись. Поток мочи журчал и вырывался на пол из-под штанин, а потом по неровному полу скользил под

алтарь. Поднявшись с колен, бабушка с силой отвесила ему несколько шлепков и бросилась извиняться перед Буддой: «Великий Будда, спаси и помилуй! Прости, владыка. Этот сорванец не умеет себя вести, ты уж не сердись на ребенка, прояви свое огромное великодушие. Подожди, вот вернусь домой, непременно задам этому сорванцу хорошую трепку». Вот так, кланяясь и извиняясь, бабушка торопливо вывела внука за высокий порог храма. Не успели они выйти за ворота, как маленькие бинтованные ножки бабушки отвесили заднице И Бая десяток с лишним пинков. «Ах ты, никчемный маленький дикарь, мочевого пузыря у тебя, что ли, прорвало, как же ты смеешь в святой обители гадить?! Откуда только в тебе столько мочи, что она журчит, словно ручей? Когда надо было, ты не писал, нет бы выбрать для этого другое место и другое время...» Бабушка приходила потом просить у Будды за глупого старшего брата И Бая, И Ши, однако после этого И Ши стал только еще глупее. Бабушка считала, что молитва к Будде не сработала из-за того, что опозорился И Бай: это ж надо было прямо перед Буддой лужу напрудить.

Прежде чем покинуть Хулучжэнь и отправиться в университет, И Бай еще раз сходил на гору Дахэшан в одиночестве. От храма уже давно не осталось и следа, не сохранилось даже развалин. Люди с горы рассказали ему, что храм этот разрушили: сначала подожгли, а потом, когда всё сгорело и превратилось в пепел, забрали оставшиеся кирпичи, черепицу и камни и пустили их на строительство свинарника в про-

изводственной бригаде. Когда жгли храм, внутри оставался присматривавший обычно за ним монах. Он ни в какую не соглашался уходить и в результате сгинул вместе с теми статуями Будды и разных божеств.

После того как И Бай поступил в университет, он всё время сокрушался из-за этого сгоревшего без следа храма. Хотя храм находился в тридцати ли от городка, он всё же был единственным свидетелем истории тех мест. И Бай говорил, что это сооружение практически наверняка было воздвигнуто в эпоху Цзинь, то есть история городка может оказаться куда более древней, чем предполагают местные жители. Историческая память местного населения ограничивалась событиями, происходившими при жизни трех последних поколений, и даже долгожители с хорошей памятью могли припомнить лишь обстоятельства биографий своих дедов.

В общем, тщеславные археологические изыскания И Бая сошли на нет. Когда однокурсники спрашивали его о культуре, истории и особой продукции Хулучжэня, И Бай частенько с нарочитым сарказмом говорил: «История моей родины – чистый лист. У нас там в изобилии производят дураков, а также шутки про дураков».

На самом деле в этой шутке И Бая была доля правды, как минимум правдива была вторая ее часть. Практически в каждой семье Хулучжэня был дурак – из тех дураков, что не могут догадаться о том, чтобы укрыться под крышей в дождливый день.

За два года до того, как И Бай и двое его братьев поступили в университет, на жителей городка обрушилось страшное несчастье. В пору, когда лето переходит во вторую свою половину, в Хулучжэне, где каждые девять лет из десяти царил засуха, начались затяжные дожди, весь городок стал сырым и слякотным. Улицы утопали в грязи, стога сена во всех дворах от влаги заплесневели, и невозможно было даже лучину зажечь, чтобы приготовить в печи еду. Некоторые, не выдержав голода, просто снимали со своих домов дверные и оконные створки, рубили их на дрова и варили рис.

Жители городка, привыкшие круглогодично находиться под ясным небом, не могли терпеть долгое ненастье; один за другим они становились нервными и меланхоличными. В дождливые дни они принимались колотить детей: всё равно ведь нечем заняться. Больше не звучали в городке прежние песни и пляски: теперь их сменили душераздирающие завывания. Драки между супругами, ссоры между свекровьями и невестками превратились в обычное дело; в каждом уголке Хулучжэня звучали крики, ругань и рыдания.

Внезапно в один погожий день из больших репродукторов на крыше дома культуры раздались скорбные звуки похоронного марша, которые заставляли сердце рваться на куски, хватало за горло, не давая перевести дух. Небеса рухну-

ли! Горожане были потрясены, они обезумели от страха. Не поднимается уже больше на востоке Красное Солнышко! Во всём городке моментально установилась мертвая тишина, а затем раздался оглушительный плач.

Слезы перемежались с каплями дождя: никогда прежде Хулучжэнь не знал такого горя и скорби. Жителям казалось, что теперь всё окончательно рухнуло. Они могут взобраться на гору мечей, могут отправиться в огненное море, могут сорвать луну с небес, могут поймать черепаху в пяти морях, но они не могут жить без Солнца. Утратив Солнце, они утратили курс, утратили тепло, утратили свет... О небеса! Как же это страшно – сбиться с курса в холодной тьме!

Жители Хулучжэня были крайне подавлены, на них одновременно нахлынули скорбь и страх. Днями и ночами все горожане от мала до велика собирались у погребального зала, возведенного перед домом культуры, где то плакали, то кричали, умоляя небеса явить милосердие.

Кадровый костяк и народные ополченцы, а также народные представители из элиты городка были отобраны для несения дневной и ночной вахты в почетном карауле. Из больших репродукторов постоянно транслировали похоронный марш и «Обращение ко всей партии, всей армии, всему многонациональному народу страны». Горы замерли в торжественном молчании, реки Янцзы и Хуанхэ журчали со всхлипами, народ стонал, из репродукторов жители городка узнали, что небеса рухнули не только у них, но и в других

местах.

Чудовищу И, Нью Цзогуаню, Ван Личжэну (по прозвищу Красные сапоги) и другим «вредным элементам» запрещено было рыдать открыто, потому что они этого не заслуживали – они не имели права разделить печаль революционного народа. В те дни Чудовище И, Нью Цзогуань, Ван Личжэн, а также вдова Бай и прочие «омерзительные чудища» прятались, трепеща в предчувствии беды, и каждый в своем темном углу тихонько утирал слезы. При любом неосторожном действии они рисковали оказаться виновными в страшном злодеянии – в том, что «воткнули нож в спину и посягнули на Красное Солнышко». Особенно волновался Чудовище И, который боялся, что сыновья заметят и разоблачат его поведение; поэтому он, сдерживая страдания, кусал кулаки, не осмеливаясь от души разрыдаться.

В качестве места проведения гражданской панихиды выбрали спортивную площадку средней школы в южной части городка. Площадь перед домом культуры казалась слишком тесной – она не могла вместить в себя всех жителей городка. Люди приколоты к груди белые цветы, повязали на руки черные повязки и под морозящим дождем с торжественным видом медленной поступью двигались в сторону средней школы в южной части городка. На спортивном стадионе собралась тьма тьмущая людей, помимо рыданий и кашля не было слышно ни единого звука. Даже дети, которых держали на руках женщины, имели серьезный вид и не издавали

капризных криков, как обычно.

Похоронный марш прекратился. Из большого репродуктора послышался низкий мужской голос. Из-за его сильного акцента селяне не могли разобрать смысла слов и, понурив головы, лишь отвешивали поклоны вслед за стоящими в первых рядах кадровыми работниками коммуны – первый, второй, третий. Когда церемония закончилась, некоторые по инерции лишний раз поклонились, задрав задницы к небу – окружающие, глядя на них, и не знали, то ли плакать, то ли смеяться.

«Мама, я хочу какать!» – с настойчивым требованием обратился к маме ребенок лет четырех – пяти, и, хотя голос его не был особенно громким, его услышал практически весь стадион. Мать от испуга побледнела и поспешила накрепко зажать рукой ребенку рот. Эта женщина была вдовой паралитика Ваня, а маленький мальчик, который, увидев, как взрослые оттопырили зады, захотел какать, был названным сыном паралитика Ваня – Вань Жэньтэном (по прозвищу Всеобщее Наказание). На самом деле он был плотью и кровью старшего сына семьи И – дурака И Ши. Когда-то паралитик Вань в свою первую брачную ночь искупался в ледяной воде, в результате чего ему парализовало нижнюю часть тела и он утратил способность к деторождению. Ему так хотелось иметь сына, что он заставил жену соблазнить полного сил и энергии дурака И Ши, после чего она наконец-то забеременела. Речь идет о том сенсационном инциденте с «до-

норством». Наибольшую выгоду от тех событий получил паралитик Вань: он смог обрести сына, не потратив при этом семени. А самой главной жертвой случившегося стал дурак И Ши, который вынужденно пошел на аморальное хулиганство, а из-за того, что припел к этому Великого Вождя, простой проступок превратился в непростительное политическое преступление. Его осудили на десять лет тюремного заключения.

Пока жена паралитика Ваня выбиралась из толпы, сжимая сына под мышкой, Вань Жэньтэн едва не задохнулся. У него даже лицо посинело. Позже он говорил, что это не из-за того, что он старался не обделаться, а из-за того, что мать своей крепкой рукой намертво запечатала ему рот – так, что он не мог сделать ни вдоха.

– Ах ты, негодник, нет бы раньше или позже посрать, так нет, ты именно этот момент выбрал. И чего ж ты не лопнул! Настоящее Всеобщее Наказание!

Вань Жэньтэн на корточках сидел под деревом на краю спортивного стадиона и, слушая, как отчитывает его мать, обиженно защищался:

– Клянусь председателем Мао, мне правда захотелось ка-кать!

Надевая штаны, Вань Жэньтэн задал матери вопрос, который только что пришел ему на ум:

– Мама, а раз председатель Мао умер, то кем мне теперь клясться?

Вопрос, который пришел на ум малышу Вань Жэньтэну во время отправления нужды, являл собой важную проблему, с которой должен был столкнуться народ всего Хулучжэня и даже всей страны. Городок одной стороной примыкал к горам, другой – к морю, и был расположен на холмах. Широкая дорога перед домом культуры, тянувшаяся с запада на восток, расходилась на две улицы – переднюю и заднюю, а протекающая с юга на север большая река (на самом деле это был просто незаметный ручеек) естественным образом разделяла городок на две части – западную и восточную.

Дом культуры имел символическое значение для Хулучжэня: местные мастера старшего поколения самостоятельно его спроектировали и построили, поэтому он был гордостью двух поколений. Это место общественных сборов, воздвигнутое в 50-е годы XX века, благодаря своей высоте и габаритам казалось весьма величественным на фоне низеньких жилых домов. Сразу после постройки дом культуры называли клубом и в основном использовали для проведения выступлений, митингов и кинопоказов.

С восточной и западной сторон от дома культуры находились самый большой в городке снабженческо-сбытовой кооператив (позже его переименовали в универмаг), парикмахерская, лавка печеных лепешек, фотоателье и трактир. С

запада к трактиру прилегал большой двор коммуны с двумя выстроившимися в ряд просторными домами с черепичными крышами. В центре той улицы, что была напротив дома культуры, находилось зернохранилище коммуны, а по обеим сторонам от него – станция агротехники и обшарпанная лавка, где ремонтировали обувь. Мастер Янь из ремонтной лавки был старым, со всевозможными увечьями – у него было косоглазие, кривой рот и горб на спине. Вдобавок он страдал тяжелой формой астмы и дышал тяжело, издавая при этом сипение, словно раздувающиеся меха.

Большой каменный мост соединял два берега реки – западный и восточный. Поселковая больница была построена на западном берегу реки, на южной стороне большой дороги, а на северной стороне большой дороги, напротив больницы, находилась ветеринарная станция. Если в производственной бригаде заболела скотина, то ее приводили на лечение на ветеринарную станцию. Ну а если пригнавший скот человек тоже чувствовал головную боль, жар и недомогание, то он, не откладывая ни одного из дел, мог поручить рабочий скот ветеринару, а потом перейти через дорогу и обратиться к врачу, чтобы тот выписал ему лекарство. Впоследствии жители городка обнаружили, что врачей с ветеринарной станции часто отряжают для ведения приема в больнице, и предложили просто объединить две больницы в одну, чтобы зря через дорогу не ходить, но правительство этой идеей так и не воспользовалось. Правда, одно время глава ветеринарной стан-

ции по совместительству исполнял и обязанности главврача поселковой больницы.

Дом культуры и площадь перед ним всегда выступали как политический и культурный центр городка. На протяжении двадцати с лишним лет в доме культуры и за его пределами часто разыгрывались различные жизненные трагикомедии. Это были и песни с плясками, эстрадные номера, музыкальная драма Люй, образцовые спектакли в исполнении драматического коллектива художественной самодеятельности городка (творческой агитбригады), и воспоминания о былых страданиях, критические митинги, семинары по практической работе и церемонии принесения присяги. На этой сцене прославляли многих передовиков, работников актива, отличников труда, отличников производства и активистов и критиковали многих помещиков, зажиточных крестьян, правых, контрреволюционеров и преступные элементы. Первые стояли на сцене с сияющими улыбками, украшенные красными цветами, с похвальными грамотами в руках. Вторые же стояли на коленях, на головах у них были высокие колпаки, на шеях висели деревянные таблички, руки их были связаны за спинами, а лица белы от ужаса. А еще были те, кому доводилось стоять и в красных цветах, и в высоких колпаках – им были знакомы оба этих ощущения. В спектаклях кто-то частенько изображал смерть, а на критических митингах людей временами забивали насмерть по-настоящему.

Горбатый старик Янь, который съезжился в лавке по ре-

монту обуви неподалеку от дома культуры, был ярым фанатиком площадных выступлений. Иногда он с трудом выдавливал из своего кривого рта слова: «Черт возьми, и чего они там маются, лучше бы свои рваные башмаки подлатали!»

5

Погребальный зал перед домом культуры снесли. Жители городка постепенно оправлялись от своего безутешного горя. Дождливая погода простояла сорок с лишним суток, фундамент зданий и постели во многих домах поросли зеленой плесенью.

Небо стало чистым: осенний ветер принес с собой ясную погоду. В каждом дворе спешили просушить промокшие постели, одежду, обувь и всяческую хозяйственную мелочевку.

Весь Хулучжэнь приобрел вульгарный вид. На столбах электролиний вдоль большой дороги и между деревьями протянулись веревки, на которых под дуновениями ветра развевались разноцветные пододеяльники, тюфяки, пеленки, трусы в цветочек, рваные занавески. Дворовые ограды, навесы над курятниками и частокол вокруг свинарников были заставлены поношенными ботинками с прокисшими носками, ночными горшками, кадками с разносолами и подпорченной соленой рыбой. По улицам разносилась вонь, в нос били запахи затхлости и гниения, а люди, зажимая носы, убегали на окраины, чтобы насладиться давно не виданными

теплыми солнечными лучами.

Урожай в том году пропал. Посевы сгнили на корню. Пока женщины хлопотали над сушкой белья, мужчины бросились в горы и тщательно собрали проросшее заплесневелое зерно – до последнего зернышка. Они притащили назад всё, чем можно набить пустые животы – кукурузу, гаолян, соевые бобы, батат, редьку, капусту, после чего принялись бранить и понукать женщин, чтобы те убрали изношенное тряпье и освободили место для просушки зерна и хвороста, который позже пойдет на разведение огня, приготовление еды и отопление.

Однажды утром И Бай и И Цянь сломя голову примчались домой и, тяжело переводя дыхание, громко закричали своему отцу, Чудовищу И:

– Плохо дело! На стене перед входом в больницу появился реакционный лозунг! Иероглифы во-от такой величины...

И Цянь нервно жестикулировал.

– Там написано «Долой антипартийные элементы – Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин, Яо Вэньюань»¹¹.

¹¹ Речь идет о т. н. «Банде четырех» – левых радикалах из окружения Мао Цзэдуна, в числе которых была и его последняя жена Цзян Цин. После смерти Мао эти четыре высших партийных функционера были оттеснены своими политическими конкурентами: их арестовали и осудили за попытку государственного переворота, подделку завещания Мао и преступления против невиновных людей в ходе «культурной революции». Двое из них, Цзян Цин и Чжан Чуньцяо, были приговорены к смертной казни, но впоследствии наказание заменили на пожизненное заключение. В 1991 г. Цзян Цин освободили по состоянию здоровья (из-за рака горла), но вскоре она повесилась в больнице (*прим. ред.*).

Не успел И Цянь договорить, как раздался хлопок. Чудовище И со всей силы отвесил своему сыну звонкую пощечину:

– Болван! Прекрати нести эту околесицу!

Старик трясся всем телом от напряжения. Он накрепко запер двери и наглухо закрыл сыновей в комнате.

И Бай и И Цянь не врали. Накануне вечером они ворошили просушивающееся зерно во дворе производственной бригады, а утром, возвращаясь домой, чтобы позавтракать, проходили мимо ворот больницы и увидели этот жуткий лозунг. Чудовище И предупредил своих сыновей, чтобы они никому про этот лозунг не рассказывали, будто бы его и вовсе не было.

Но шила в мешке не утаишь. Бросающиеся в глаза огромные иероглифы были заранее написаны на красной бумаге, и уж потом их наклеили на стену. Лозунг быстро сорвали, и вскоре подоспела из уезда полицейская машина. На ней увезли нескольких людей – Чудовище И, Ван Личжэна, а также вдову Бай с западного берега и учителя рисования по имени Ван Дафэн из средней школы в южной части городка. И Бай и И Цянь не верили, что это совершил отец, но не могли его спасти. В ту ночь на городок опустилась мертвая тишина: не слышно было даже лая собак.

Прошел один день, и репродукторы на крыше дома культуры зазвучали особенно звонко, открыто сообщив то же самое, что можно было прочесть накануне на плакате, кото-

рый сочли реакционным. Жители городка поначалу опасались покидать свои дома и уж тем более не осмеливались верить своим ушам. Уже ближе к сумеркам некоторые кадровые партийные работники городка и члены производственного отряда начали обходить дворы, сообщая о мобилизации: после ужина все жители должны были собраться на площади перед домом культуры для проведения торжественного собрания. А еще они заявили во всеуслышание, что тех, кто не придет, оштрафуют на трудовни.

Чудовище И вернулся из уездного города к полудню второго дня – уже после того, как торжественное собрание закончилось. Тот лозунг, очевидно, был не его рук делом: учитель рисования средней школы Ван Дафэн признался в содеянном. Оказывается, у него, как и у осужденного в свое время Ань Гоминя, была дурная привычка к прослушиванию «вражеских радиостанций». Эту новость он услышал на волне одной зарубежной радиостанции и сразу же слепо в нее уверовал, впав в эйфорию. Не сумев совладать со стучавшей в сердце радостью, учитель Ван поднялся с постели посреди ночи и, рискуя собственной жизнью, поспешил поведать эту новость в форме лозунга еще ни о чем не подозревавшим жителям городка. Он и не думал, что своим порывом навлечет беду на Чудовище И, вдову Бай, Ван Личжэна и еще десяток людей, у которых было пятно на репутации. Хорошо еще, что в городке вовремя зазвучали репродукторы, а то страдания этих людей не ограничились бы одним – двумя

днями. Хотя под арестом их держали всего сутки с лишним, вдова Бай за это время испытала такой шок, что слетела с катушек и маялась еще более двух лет, прежде чем пришла в себя.

Ван Дафэн не удостоился похвалы и награды за то, что смело опередил события, но, с другой стороны, ему простили прослушивание «вражеских радиостанций». Как бы то ни было, он одновременно совершил и подвиг, и преступление, которые уравнивали друг друга. Он вернулся в школу и продолжил применять свои способности к художественному написанию больших иероглифов. Власти городка вдобавок к этому на время отрядили его в агитбригаду, чтобы он «разил пером как мечом и основательно раскритиковал “шайку четверых”». В результате у Ван Дафэна появилась возможность показать себя, и он в сверх урочном порядке писал лозунги и рисовал агитплакаты. Три месяца у него ушло на то, чтобы исписать все стены в городе, которые были для этого пригодны, лозунгами и призывами в черном и красном цветах. За спиной жители городка шутливо называли учителя Вана Большим Сумасшедшим или – в уважительной форме – Сумасшедшим Учителем. Прозвище Большой Сумасшедший было созвучно его имени, поэтому оно за ним и закрепилось.

Жителям Хулучжэня никогда и в голову не приходило, что их Вождь может умереть, и уж тем более они не предполагали, что жену их Великого Вождя могут арестовать и заклеить. Когда это случилось, они снова погрузились в неопикуемый ужас.

Не успел еще народ снять с груди белые цветы, а с предплечий – черные повязки, как снова праздновал победу, подняв красные флаги и стуча в барабаны. Эти резкие перепады настроения – переходы от горя к эйфории, спады и подъемы – многих обескураживали. К счастью, внезапных происшествий за эти годы происходило много, и у крестьян из городка сформировались способности к психологической адаптации к внезапным переменам. Они никогда не теряли присутствия духа. Голос из репродуктора – это голос партии, надо слушаться партию и идти с ней в ногу, тогда точно не ошибешься. Глава революционного комитета Гэ сказал на одном из народных митингов такие слова: «Мы должны слушаться партию, мы должны сохранять единство с ЦК. ЦК от нас слишком далеко, нельзя докладывать туда о каждом деле и ждать указаний. А раз так, то слушайте меня, считайте меня представителем партии. Я-то точно слушаюсь партию, и партия говорит через меня моими словами, то есть, слушаясь меня, вы слушаетесь партийных указаний. Поддер-

живая меня, вы поддерживаете ЦК...» Многие люди сочли, что глава Гэ говорит вполне резонно, и наперебой закричали, что обязательно будут поддерживать главу Гэ и действовать в соответствии с указаниями руководства революционного комитета.

Тремя годами ранее, после того как Ань Гомина арестовали за тайное прослушивание вражеской радиостанции, подпольные политики Хулучжэня, у которых было одно с Ань Гомином увлечение, сразу же притихли. Больше они не собирались втихомолку по ночам, как прежде, и не обменивались информацией из тайных источников, касающейся острых политических вопросов. А развернувшаяся полгода назад крупномасштабная разоблачительная кампания, целью которой было расследование распространения контрреволюционных слухов, тем более заставила этих людей дрожать от страха, не находя себе места. Центральными персонажами этого кружка были игравший в агитбригаде на эрху Гуань Большой Зад (настоящее имя – Гуань Чжэндэ), Ху Три Заряда со станции образованной молодежи на западном берегу (настоящее имя – Ху Сюэюн), присматривавший за фруктовыми садами Юй Баочжу, учитель средних классов Дин Чанчжи (по прозвищу Родимое Пятно На Заду) и еще несколько пареньков с машинно-тракторной станции городка.

Гуань Дэчжэн состоял в агитбригаде вместе с Ань Гомином – они тесно общались. Когда Ань Гомина попал в тюрьму, Гуань Дэчжэн тоже едва не угодил за ним следом.

Хорошо еще, что Ань Гоминь умел держать язык за зубами и не стал выдавать Гуаня по прозвищу Большой Зад, в противном случае, каким бы большим этот зад ни был, не миновать ему беды. Гуань Дэчжэну хорошо удавался анализ положения; он умел поднять не связанные между собой пустяки на высоту, недоступную для понимания обычным людям. В свое время он предсказал точное время начала третьей мировой войны – полвторого ночи некоего дня некоего месяца не кое го года, да еще определил точное место высадки японских и советских захватчиков при их совместной атаке на Китай – им должна была стать речная коса у южного побережья городка. В разговоре он любил сгущать краски и мог настаивать на том, что большие стрекозы на кукурузных листьях – это новая разработка советских ревизионистов, представляющая собой миниатюрные разведочные вертолеты. И хотя его анализ, предположения и предсказания относительно политических, военных событий и бедствий никогда не оправдывались, в своем кругу он всё же обладал большим авторитетом, и все его очень уважали.

После того как звуки траурного марша и овации постепенно стихли, у Гуань Дэчжэна и некоторых других вновь началось обострение интереса к политике. После нескольких лет молчания они вновь начали собираться вместе и время от времени устраивали встречи в шалаше присматривавшего за фруктовым садом Юй Баочжу, анализируя государственную обстановку и события за рубежом. Они не только обсуждали

вопрос о том, умер ли великий предводитель по-настоящему или нет, а если всё-таки умер, то по какой именно причине, но еще и уделяли особое внимание глубокой разнице между понятиями «Великий Вождь» и «Мудрый Вождь». В результате нескольких ожесточенных споров все единодушно уверовали в идею Гуань Дэчжэна: Великий Вождь наверняка умер, потому что девятого сентября он собственными глазами видел, как с запада упал огромный огненный шар, оставив за собой длинный хвост, и это, несомненно, самое убедительное доказательство смерти великого человека. А остальные, вторя ему, дополнили эту историю разнообразными странными явлениями, которые они якобы видели своими глазами, и в итоге все пришли к единому мнению. Но вот относительно причин смерти у каждого было свое видение, и Гуань Дэчжэну так и не удалось выдвинуть убедительную для всех версию. Но кое-что Гуань Дэчжэн обозначил очень ясно: «Глава революционного комитета Гэ не может представлять ЦК. Представителем ЦК должен быть как минимум уездный кадровый работник первой категории». Все закивали, соглашаясь с этим.

7

Городская маоистская культурная агитбригада городка некоторое время из-за «приостановки всех развлекательных мероприятий» была не у дел, но теперь вновь пригодилась.

Чтобы всесторонне разоблачить и раскритиковать «банду четырех», агитбригада начала в сверхурочном порядке репетировать разные массовые развлекательные номера. От эрху Гуань Дэчжэна в этом деле проку не было, и руководство агитбригады велело ему надеть маску из проклеенной бумаги и изображать Чжан Чуньцяо, что и удручало, и воодушевляло его. Жители Хулучжэня от всей души ненавидели «банду четырех», и когда эта «шайка из трех мужчин и одной женщины» в масках выходила на улицы с представлениями, то частенько нарывалась на брань и даже побои. Их одежду и маски нередко украшали плевки. Однажды какой-то старик, перетаскивавший навоз, смотрел-смотрел на их представление, а потом внезапно взял свою бочку да и вылил навоз на них. Гуань Дэчжэна после этого еще несколько дней тошнило.

Единственное, что его радовало, – это то, что актрисой в роли Цзян Цин была та, что ранее играла тетушку А Цин в отрывке о «борьбе умов» из оперы Шацзябан. С изысканной внешностью и звонким мелодичным голосом, она была из тех женщин, что являются во снах всем мужчинам. Ее фамилия была Люй, полное имя – Люй Сяюнь, и приехала она в Хулучжэнь из уезда вместе с отцом, который стал там разнорабочим. Одно время она работала диктором на радиостанции городка, и поговаривали, что глава революционного комитета Гэ испытывал к ней большую симпатию, но жена главы революционного комитета Гэ пресекла эти чувства на

корню, и пришлось в итоге перевести красавицу в агитбригаду. Обычно Гуань Дэчжэн всеми способами искал предлог сблизиться с Люй Сяююнь, но Люй Сяююнь была очень разборчива и никогда не удостоивала Гуань Дэчжэна даже простым взглядом. Теперь же они вместе изображали «банду четырех», и для Гуань Дэчжэна это был шанс, дарованный свыше.

К сожалению, Люй Сяююнь, одетую в обольстительные одежды, со свирепой и безобразной маской на лице, народ бранил и колотил чаще прочих. И в конце концов она, не в силах терпеть это, закатила истерику, отказавшись продолжать работу. Пришлось руководству агитбригады выбрать ей на замену одного паренька из носильщиков реквизита. Тут уже энтузиазм Гуань Дэчжэна иссяк окончательно, настроение его упало ниже плинтуса. Он тоже обратился к руководству с требованием, чтобы ему нашли замену, но получил от бригадира суровое внушение: «Это политическая задача! Тебе что, жить надоело?!» Этими словами он напугал Гуань Дэчжэна так, что тот больше не смел снимать с себя бумажный колпак.

Люй Сяююнь больше не играла Цзян Цин и целыми днями распевала одну и ту же песенку:

Как же весело всем людям:
Банду четырех мы судим,
Проститутку, интригана,
С головой собачьей Чжана...

В порошок врагов сотрет
Веселящийся народ.

Под этот пылающий праведным гневом хэнаньский тембр Люй Сяюнь Ван Хунвэнь, Чжан Чуныцяо, Цзян Цин и Яо Вэньюань молили о пощаде, пытаясь улизнуть от народного гнева. Каждый раз, когда страдающий вместо Чжан Чуныцяо козел отпущения Гуань Дэчжэн слышал, как Люй Сяюнь распевает слова «С головой собачьей Чжана», в сердце его словно разливался мед, и от сладостного чувства размякало всё тело. В его голове «политическая задача» уж давно превратилась в «любовные грезы».

Никто, включая Люй Сяюнь, не замечал этих перемен, происходящих во внутреннем мире Гуань Дэчжэна. И только И Бай сквозь проделанные в маске отверстия-глазницы обнаружил, что во взгляде Гуань Дэчжэна что-то переменилось. Он дважды был на их представлении на площади перед домом культуры, и ощущения у него при этом были странные. В выражении глаз Гуань Дэчжэна И Бай увидел как бы свое собственное отражение и невольно вспомнил, как у него перехватывало горло, когда год назад он был горячо влюблен в представительницу городской образованной молодежи Бай Вэйхун.

В те дни И Бай как раз читал «Старосту» – рассказ, вызывавший в его душе бурю чувств. Год назад он одолжил у Бай Вэйхун рукописные сборники «Пара расшитых туфелек» и

«Второе рукопожатие», тайком читал их, тихонько плакал над ними и втайне представлял себе, как легонько гладит рукой её нежное белое личико...

8

В глазах отца И Бай всегда был оплотом надежды на процветание семьи И. Самым славным периодом в жизни Чудовища И были прекрасные деньки, когда он работал счетоводом коммуны. Вот только жаль, что счастье длилось недолго, и всего несколько дней ему довелось носить военный френч цвета хаки, который он заказал себе тайком от жены, а потом его уволили с должности счетовода, и с тех пор злой рок следовал за ним буквально по пятам.

Старший сын, И Ши, был самым настоящим дураком, но дурасти своей при этом не признавал. Если бы жена паралитика Ваня не приложила всяческие усилия для того, чтобы его соблазнить, И Ши ни в коем случае не отправили бы в тюрьму. А так – из дурака он превратился в хулигана и в конце концов стал политическим преступником, после чего условия жизни семьи Чудовища И в городке стали еще менее благоприятными.

Жена паралитика Ваня была главной виновницей того, что И Ши несправедливо посадили в тюрьму. Семья И питала к ней лютую ненависть. Она забеременела, храня в душе свой постыдный секрет, и поэтому, когда И Ши схватили,

она, выпятив свой большой живот, вмешалась в дело и рассказала Отделу специальных расследований о том, как они с мужем тщательно спланировали эту «донорскую» операцию. На бесстыдном допросе жена паралитика Ваня, краснея, выложила начистоту все детали того, как она соблазнила И Ши, и красочно описала по два и даже три раза позы соития, ритм фрикций, а также изобразила любовные стоны. Слушая такие рассказы, товарищи из отдела расследований широко раскрыли рты. Впрочем, откровения жены паралитика Ваня не смогли спасти И Ши от обвинения в преступлении, а лишь закрепили за ней самой репутацию «потаскухи». А всё потому, что И Ши совершил контрреволюционное преступление, то есть речь шла уже не просто о его моральном облике.

История плотских утех жены паралитика Ваня и дурака И Ши особенно часто обсуждалась в досужих разговорах мужчин и заслуженно считалась самой «пикантной» темой. Люди практически не подвергали сомнению закономерность превращения дурака в политического преступника и с таким восторгом смаковали живописные картины того, как он с женой паралитика Ваня кувырчался на печи, будто бы присутствовали при этом лично. Очевидно, что иногда плотские утехы способны обнаружить в людях больше фантазии и страсти, нежели политика.

Второй брат, И Бай, тоже пострадал из-за пикантного политического инцидента, произошедшего с его старшим бра-

том И Ши. Еще в начальных классах он проявлял способности к литературному творчеству, его сочинения всегда ставились всем в пример. На каждом уроке литературы учитель выходил вперед и прочитывал его сочинение вслух. В средних классах И Бая частенько привлекали к работе в производственной бригаде – он писал тексты выступлений для руководства, черновики массовой критики и биографические репортажи о передовиках. Односельчане даже хвалили его, называя звездой, сошедшей в суетный мир. То, что «желторотый птенец» десяти с лишним лет сумел с легкостью овладеть сдержанным и серьезным взрослым слогом, усвоить широко распространенную политическую терминологию и вникнуть в суть высоких директив Великого Вождя, не могло не заставить людей взглянуть на него новыми глазами. Его репортаж под названием «Лучше уж умереть на земле, чем на печи» был принят уездной радиостанцией. Он превратил отсталого крестьянина – Хромого Вана, ленивого до такой степени, что лишний раз штаны не подтянет, – в храбрца, который днями и ночами тяжело трудится на поприще ирригационного строительства. Хромой, который прежде даже ходить ровно не мог, услышав наставления председателя Мао, преисполнился неисчерпаемых сил, удивительным образом поднял груз весом в несколько сотен цзиней и «легкой поступью» зашагал по стройплощадке. А еще он исправил первоначальный вариант сочинения, заменив «горошины пота» на лице главного героя на «капли пота величиной

с куриное яйцо», порядком всех изумив.

А еще И Бай придумал для агитбригады немало номеров – например, рифмованные диалоги, истории под аккомпанемент, истории для групповой декламации, истории под аккомпанемент на тяньцзиньский манер, шаньдунские скороговорки, комедийные истории сяншэн¹² и стихотворные ча-стушки. В самом знаменитом своем представлении на местном диалекте в рифму и под ритм-аккомпанемент на тяньцзиньский манер он подвергал жесточайшей критике свергнутых государственных деятелей, разнося их в пух и прах. Этот номер был успешно представлен на уездном театральном фестивале и прославил Хулучжэнь.

Чудовище И до того уверовал, что его сын обладает выдающимся талантом, что у него голова кругом пошла; он был убежден, что у человека, который владеет пером, потенциал куда больше, чем у человека, который умеет орудовать лопатой. Он считал И Бая «маленькой счастливой звездой» семьи И.

Но старший брат И Бая – И Ши – окончательно разрушил все искренние надежды Чудовища И на младшего сына. После того как И Ши совершил свое преступление, революционный комитет и агитбригада городка уже больше никогда не просили И Бая что-то для них написать. И Бай уныло от-

¹² Сяншэн – традиционный китайский жанр комедийного представления с преобладанием разговорных форм. Для сяншэн характерны каламбуры и аллюзии; текст произносится в быстром комедийном темпе. Жанр происходит из города Тяньцзиня (*прим. ред.*).

сживался дома, читая «Золотую дорогу» и «Ясный день», и лишь иногда участвовал в шумных событиях в доме культуры.

В те дни на Хулучжэнь снизошла «большая отрада», и повсюду царило радостное волнение. И Баю показалось, что и его настрой тоже стал бодрым, а дыхание – ровным. Он жаждал в один из ясных дней широкими шагами пройти по золотой дороге.

9

Все жители городка потратили два с лишним года на то, чтобы полностью разоблачить и раскритиковать «банду четырех», а также ликвидировать их пагубное влияние на массы. Для этого они, не изобретая ничего нового, прибегли к таким проверенным способам, как митинги, манифестации, расклейка и выкрикивание лозунгов, хождение на ходулях, танцы янгэ¹³, театральные и танцевальные представления, игра на гонгах и барабанах.

Конечно, это движение принесло богатые плоды. И на

¹³ Янгэ – традиционный китайский танец, один из самых популярных в Китае. Существуют две основные разновидности этого танца: янгэ на ходулях «гаоцяо янгэ») и обычный («диянгэ»). Танец янгэ исполняют группы, в составе которых может быть от нескольких десятков до сотни участников. В янгэ есть и парные танцы, танцы втроем и вчетвером. Исполнители используют платки, зонтики, палки, барабаны и хлысты. Танец сопровождается оглушительным барабанным боем (*прим. ред.*).

провинциальном, и на городском, и на уездном уровнях удалось разоблачить приспешников «банды четырех», а глава Гэ из Хулучжэня подверг сам себя критике¹⁴.

В Хулучжэне все от мала до велика уже утомились от постоянной переменчивости судьбы: они с тяжелыми вздохами и мрачными лицами драли глотки, выкрикивая призывы защитить Мудрого Вождя, но по сравнению с тем, как в свое время они желали Великому Вождю многая лета, эти призывы заметно проигрывали и по громкости, и по мелодичности, и по искренности, и по энтузиазму. На стройплощадке во время зимней кампании по строительству трассированных полей дачжайского типа видны были только реющие на ветру красные флаги, а вот людского сборища не наблюдалось. А у чванливого Хромого Вана, который поклялся умереть на земле, случился рецидив старой болезни, и он лежал на печи, опасаясь даже лишний раз перевернуться на другой бок.

Больше всего народ радовало то, что реформу под названием «Большая ярмарка Хаэртао» упразднили. Хулучжэнцам не нужно больше было, потуже затягивая пояса, доставать из закромов «лишние» вещи и «продавать» их на ярмарке государству. Во время празднования Нового года некоторые семьи даже стали позволять себе пачками запускать петарды. Всё больше и больше крестьянских дворов в городке осмеливались в открытую резать к Новому году свиной.

¹⁴ Обычная практика во времена культурной революции – подвергать самого себя «критике», чтобы предупредить суровое наказание (*прим. ред.*).

Как раз в первый месяц того года Хулучжэнь плотно накрыло редким большим снегопадом.

Снег начал идти двадцать восьмого числа двенадцатого месяца по лунному календарю и валил три дня подряд. Утром первого дня Нового года многие дома в городке были так завалены снегом, что невозможно было даже отворить двери. Оказавшимся взаперти людям так не терпелось выбраться наружу, что приходилось выпрыгивать из окон. Все семьи, не тратя времени на очистку дверей от снежных завалов, радостно разбежались в разные стороны наносить новогодние визиты. И стар и млад, и мужчины и женщины переходили от одного окна к другому и через оконную раму запрыгивали прямо к хозяевам на печку. Ребятишки гурьбой носились по соседским дворам, падали на колени перед каждым окном и с хихиканьем кланялись сидящим на печи старикам, выпрашивая себе разноцветное драже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.